

Дмитрий ЕМЕЦ

ГЛОТОК ОГНЯ

ШКОЛА НЫРЯЛЬЩИКОВ

ШНыр

Дмитрий Емец

Глоток огня

«Емец Д. А.»

2015

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

Емец Д. А.

Глоток огня / Д. А. Емец — «Емец Д. А.», 2015 — (ШНыр)

Предводитель ведьмарей Гай выглядит как обычный, ничем не примечательный человек, но это лишь на первый взгляд. На самом деле Гаю пятьсот лет, когда-то он предал Шныр, заключил договор с могущественным эльбом и с тех пор ищет способ прорваться в параллельный мир, двушку, чтобы захватить его, присвоить, поработить. И кажется, Гай уже очень близок к своей цели, недаром все силы ведьмарей стянуты в Екатеринбург к геологическому музею. Значит, Сашке, Улу и Родиону во что бы то ни стало нужно узнать, что же такого нашел там Гай.

УДК 821.161.131
ББК 84(2Рос=Рус)644

© Емец Д. А., 2015
© Емец Д. А., 2015

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	18
Глава четвертая	26
Глава пятая	33
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Емец

Глоток огня

© Емец Д. А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

– У вас сбережения в банках есть?

– А то! Помидоры осенью закатала, огурчики. Одной банкой-то пуцай ведьмари твои обходятся!

ВВР – Внутренние Воображалки Рины
(Разговор Тилля и Суповны)

Боюсь, что лишь некоторые из тех, кто заинтересовался словарем, прочли первые его выпуски, поддавшись влиянию новизны, но читать все остальные и не собираются, а откладывают его в сторону до какой-нибудь okazji. Грустно, что приходится писать, заведомо зная, что современный читатель это не прочтет, что самое лучшее из всего, что мне удалось в отдельных статьях, будет использовано, быть может, через пятьдесят или сто лет, по всей вероятности, способным человеком, который возьмет на себя труд заново все переделать.

Якоб Гримм

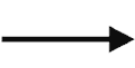
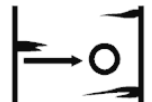

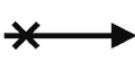

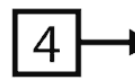

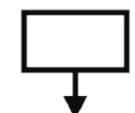

Страх всегда убивает больше борьбы. Пока армия не бросает щитов и не размыкает строя – уничтожить ее практически невозможно, либо она уходит в небо с такой славой, что враг впредь обычно далеко обходит этот народ. Примеров этому в древней истории масса. Если историки пишут, что в одной армии погибли 300 воинов, а в другой в том же бою – 10 000 – это почти наверняка из-за того, что конница рубила бегущих или трусившие топтали себя сами, пытаясь спастись.

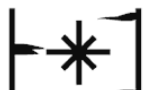

Из тех солдат, что сдались немецкой армии в первые месяцы войны, в плену выжил едва ли один из пяти. Остальные умерли от холеры, дизентерии, голода и выматывающей работы на врага. Из тех, кто ожесточенно дрался и пробивался из окружения, выжило намного больше. Из тех гражданских, кто осенью 1941-го в панике сбежал из Москвы в эвакуацию, думая этим спастись, многие умерли или потеряли детей. Те, кто остался, в большинстве выжили, потому что Москву немцы так и не взяли.

Даже собаки в большинстве своем перестают преследовать кошку, когда она резко остановится и, готовая драться, выгнет спину. В общем, всегда и во всем действует принцип: пока ты дерешься – тебя не убьют.

Йозеф Эметс,
венгерский философ

Дорожные знаки разведчика

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Иди прямо
					Поворот направо
					Осторожно! Впереди опасность
					Стой! Дальше идти нельзя
					Вода пригодна для пегов
					Воду пить нельзя
					Закладка в четырех шагах
					Закладка здесь
					Направ- ление на лагерь
					Привал
					Тут переправа

На земле, снегу, асфальте	На коре дерева, стенах домов	Из палок	Из камней	Из веток	Значение
					Осторожно! Опасность с воздуха
					Территория, защищен- ная от гиел
					Осторожно! Магическое минирова- ние
					Закладок нет
					Зона последнего поиска
					Пегов не привязы- вать!
					Прощальный знак шныра, попавшего в беду

Глава первая

Аммонит

*Отсутствуют файлы, отправка которых приостановлена.
Фраза, плавящая мозг*

Рина возвращалась из нырка. Она провела на *двушке* несколько часов, вымоталась, ободрала ручкой саперки кожу на ладонях, но абсолютно ничего не нашла, кроме небольшой раковины аммонита. Раковина попала ей случайно, когда она ударила саперкой по отвалившемуся куску известняка. С минуту Рина держала ее в руке, дышала на нее и гладила. Раковина была уже не столько раковиной, сколько заместившим ее аморфным опалом, мерцающим разноцветными искорками. Рина надеялась, что аммонит окажется закладкой, но ничего подобного. Если камень и теплел в ее ладони, то лишь потому, что она его сжимала. Но все равно расставаться с аммонитом Рина не стала и сунула его в шныровскую сумку.

В этот день она ныряла на Ядвиге, молодой кобылке, недавно доставленной в ШНыр с Дона. Количество вредных привычек у Ядвиги примерно равнялось числу ее достоинств. Ядвига была молодая, выносливая, но уже довольно тучная кобылка, которая ела все подряд. Штукатурку так штукатурку, старый ботинок так старый ботинок, пуговицы с телогрейки так пуговицы. Даже дохлого голубя однажды сжевала, во что никто в ШНыре не поверил бы, не произойди это на глазах у Меркурия.

От работы Ядвига не отлынивала, но делала все крайне замедленно, в стиле очень умиляющего ослика. Получив какую-либо команду, она с полминуты дальновидно ждала, не отменят ли ее, а то мало ли как бывает, и только после двух-трех дополнительных понуканий начинала очень неспешно ее выполнять. Зато, в отличие от многих молодых пегов, Ядвига абсолютно не боялась *болота*, и Кавалерия уже через несколько недель начала отпускать на ней новичков.

Ядвига вышла из нырка намного восточнее Копытово, почти над новостройками, которые, как грибы, кучками выскакивали из-под земли вдоль ведущего к Москве шоссе. Рина нахохлилась в седле, мерзла, дышала на руки и терпеливо ждала, пока до Ядвиги наконец дойдет, что неплохо бы развернуться и все-таки полететь в ШНыр. Как-никак родная пегасня, овес, недожеванные ботинки и прочие ценности. Понукать Ядвигу было бесполезно. Наказывать тоже. Она существовала абсолютно в своем ритме.

Рина поглядывала по сторонам и, кутая нос в шарф, сохранявший запах *болота*, размышляла, что вообще-то уже конец апреля. Могло бы наконец и потеплеть. Пока же каждый день повторялось одно и то же: вечером дождь, ночью заморозки, а утром все покрыто тонкой блестящей корочкой льда.

Рина утешала себя тем, что задание ей дали все же непростое, а значит, не так обидно его провалить. Кавалерия послала ее за закладкой для девушки, которая считала себя королевой. Нет, она не была сумасшедшей! Нормальная, красивая, работающая в банке девушка. Вот только пару раз в день она вспоминала, что она королева дальней, никому не известной страны, находящаяся здесь в ссылке. Причем перемыкало ее всегда внезапно, когда, например, клиент наклонялся, чтобы завязать шнурок.

– Встаньте с колен, виконт! Отныне вы губернатор Московии! – говорила ему девушка и, огрев его скоросшивателем по лбу, протягивала руку для поцелуя.

Клиент пугливо убегал править Московией, но правил обычно недолго и возвращался с начальником банковского отделения – толстеньким мнительным субъектом, от которого

вечно пахло одеколоном. В остальные дни девушка его боялась, но в королевском сане страх исчезал и оставалось лишь презрение.

– Ступайте, друг мой, и передайте, что я распорядилась отрубить вам голову! – говорила ему она.

И вот теперь, глядя между ушами Ядвиги, которые чем-то напоминали ей гигантский прицел, Рина соображала, так ли случайно было, что Кавалерия послала за этой закладкой именно ее, создательницу маркиза дю Граца. Не таился ли здесь какой-нибудь намек?

«Маркиз поклонился с хорошо сдерживаемой иронией.

– Приступайте к своим обязанностям, господа! – произнес он.

Санитары не заставили просить себя дважды. Они сомкнулись и увели его»,

– произнесла Рина вслух.

Копытово уже виднелось вдаль, когда впереди замаячили две некрупные точки. Ядвига вскинула морду и жалобно заржала. Она раньше Риной определила, что это гиелы, которые к тому же держат выигрышную высоту. Рина, заметавшись, потянула за повод. Прорываться к ШНыру напрямую было слишком опасно. Единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы, оторвавшись на прямой, попытаться затеряться в низких облаках.

Даже сейчас кобыла послушалась не сразу, а прежде поразмыслила, можно ли доверить Рине такую важную вещь, как спасение ее, Ядвигиной, жизни. Когда же наконец стала разворачиваться, было уже поздно. Откуда-то снизу, со стороны лошадиного хвоста, куда Рина даже и не смотрела, вынырнула гиела. К ее спине припал легкий, ловкий всадник. Он был так близко, что Рине почудилось, что она может схватить гиелу за крыло. Похолодев от ужаса, Рина дернулась рукой к сумке, отыскивая шнеппер. Все это время всадник на гиеле летел чуть впереди и уж конечно легко мог бы всадить в нее арбалетный болт.

Шнеппер все не нашаривался. Дважды Рина натыкалась кончиками пальцев на его прыгавшую в сумке рукоять, но никак не могла ее ухватить. В это мгновение берсерк повернулся в седле. Круглая голова всадника показалась Рине похожей на стрекозиную, а глаза огромными, вытянутыми и страшными, как у мутанта. Не сразу она сообразила, что это очки, причем не просто очки, а прикрепленные к шлему. Вскинув руку, берсерк нацелил в грудь Рине маленький черный арбалет. Она видела даже красное оперение его болта.

Рина вспомнила один из уроков Макса. Тот утверждал, что, когда ты можешь описать арбалет, из которого в тебя целятся, – ты в опасности. Если различаешь цвет оперения – тебе уже конец. Сейчас же она настолько хорошо видела арбалет и руку берсерка, что даже с учетом того, что целились чуть снизу, точно могла сказать, куда войдет болт. Скорее всего, в шею. Рина невольно зажмурилась и, ожидая выстрела, схватилась за шею, однако берсерк в стрекозиных очках не стрелял.

Открыв глаза, Рина увидела, что он усмехается. Его гиела занимала исключительно выгодное положение чуть впереди пег. Более маневренная, она легко могла его замедлять, диктуя ему скорость полета, а вздумай пег развернуться, берсерку ничего не стоило бы выстрелить Рине в спину или метнуть топорик. Тут даже на Цезаре было ничего не сделать, а уж на Ядвиге и подавно.

Рина попыталась все же вытащить из сумки шнеппер, но, взглянув на упрямо поджавшиеся губы берсерка, поняла, что прицелиться он ей не даст. И вообще шнеппер надо еще взводить. Никто не ныряет со взведенным шнеппером, чтобы он не выстрелил в сумке от тряски в самый неподходящий момент.

«П-п-правда жизни! – говорил Макс на практических занятиях по обращению с оружием. – Главное для новичка не ведьмарию завалить, а с-себя не угрохать. А то как б-б-бывает. Шныр в-в-встречает девушку своей мечты, и тут – бац! – в сумке у него выпаливает шнеппер.

П-предохранитель сы-сдвинулся, и какая-нибудь к-книжка углом нажала на курок. И прямо в ды-девушку. У шныра ни сумки, ни девушки. Иди ищи свою мечту д-дальше. Конец и-истории!»

Пока внимание Рины было отвлечено на берсерка в стрекозиных очках, две точки в небе укрупнились, превратившись еще в двух гиел. Приблизившись, они некоторое время держались выше Рины, а затем, снизившись, зажали ее в клещи. Теперь Ядвига уж точно не смогла бы никуда дернуться, не врезавшись в одну из гиел.

Рина повернула голову. Чуть наискось и позади, временами закрываемые от нее опускающимися и поднимающимися крыльями Ядвиги, летели два квадратных берсерка. Она узнала их. Это были Кеша и Паша Тилли. Выражение лица у обоих близнецов было самое издевательское.

Рина поняла, что это ловушка. Ее ждали. Вот только зачем? Неужели эльбы не сообщили, что она без закладки? Пока Рина лихорадочно соображала, что ей теперь делать, один из Тиллей махнул рукой, причем как-то странно махнул, точно отгонял от лица муху. Пока Рина соображала, что это значит, тот берсерк, что летел впереди, сдернул с себя шлем вместе с очками.

Рина увидела, что это девушка, причем едва ли намного старше ее. Лицо у девушки было смуглое, вытянутое, брови очень густые. Темные волосы, растрепанные ветром, мешали ей смотреть, и она то и дело раздраженно их отбрасывала, поднимая руку с зажатыми в ней электропроводами.

И сразу же Рине все стало ясно. Это девица одного из Тиллей! Или, возможно, не девица, а просто они тренируют ее, приучая охотиться на шныров, а Рина для них – подопытный кролик. Хотя, конечно, Кеша и Паша те еще инструкторы. Папаша над ними слишком трясется. В небе их не часто увидишь. А то нарвутся еще на Штопочку, бич которой, как известно, в перезарядке не нуждается и осечек не дает.

Пока Рина думала, что ей делать, девица на гиеле, подчиняясь знаку Тиллей, выдала электропроводами сухую одиночную вспышку и забрала правее. Теперь она летела вровень с Риной, только немного выше, чтобы крылья гиелы не столкнулись с крыльями пега. Рина увидела, как девица протягивает руку и показывает на ее сумку, явно требуя ее отдать.

В ответ Рина замотала головой и, вытянув перед собой пустую руку, несколько раз сжала и разжала ее. Это означало, что она без закладки. Но темноволосая либо не знала этого знака, либо не верила, потому что опять требовательно показала на сумку, но уже арбалетом. Мол, давай по-хорошему!

Рина снова замотала головой. Лицо у темноволосой вспыхнуло. Прося совета, она оглянулась на Тиллей. Кеша и Паша, ухмыляясь, разводили руками, показывая, что, мол, решай сама. Мы тут вообще, можно сказать, мимо пролетаем.

Думая напугать ее, девушка прицелилась в Рину из арбалета, однако та опять замотала головой. Если берсерка в зеркальных очках она еще боялась, то какой-то обучающейся девице, которая в берсерка еще не превратилась, сумку отдавать не собиралась. В сумке шнеппер, аммонит, мало ли что там еще.

– Не отдам! – крикнула она. – Стреляй давай! Ну!

Лицо девицы стало злым. Несколько мгновений она соображала, а потом решительно прицелилась из арбалета в круп Ядвиге. И опять задорно посмотрела на Рину.

«Выстрелит! – безошибочно определила Рина. – Сейчас точно выстрелит! В меня не решится, в человека все-таки непросто выстрелить, а пега изувечит! Ну и забирай! Подавись!»

Она сорвала с себя сумку и нарочито неудобно, чтобы девица ее не поймала, швырнула ее над мордой гиелы. Темноволосая рванулась за сумкой, но сумела лишь задеть ее рукой. Сумка, описав полукруг, понеслась к земле. Девица злобно оглянулась на Рину и, ударив гиелу

электрическим разрядом, погналась за сумкой. Кеша и Паша Тилли с хохотом последовали за ней.

Рина осталась в небе одна. Ядвига с явным облегчением зачастила крыльями, спеша поскорее оказаться в ШНыре.

– Из-за тебя, между прочим! Выпендриваться надо было меньше! – сказала ей Рина.

Настроение у нее стало еще хуже, чем было после неудачного нырка. Что она теперь скажет Кавалерии? Хотя хорошо, что она отделалась одной сумкой. Будь девица поопытнее, она не погналась бы за сумкой сразу, а отобрала бы еще и *нерп*.

По *кентавру* Рина связалась со ШНыром. Макс и Штопочка сразу вылетели, надеясь перехватить Тиллей, но пока они добежали до пегасни, пока оседлали пегов, время было упущено. Тилли и опекаемая ими темноволосая ускользнули на гиелах в сторону Кубинки, унося с собой в качестве трофея сумку Рины.

Рина вернулась в ШНыр. Кавалерия, сама собиравшаяся в нырок, не ругала ее.

– Закладки же там не было? – спросила она.

– Нет.

– Что ж, ты все сделала правильно! Из-за шнеппера с парой пнуфов не стоило рисковать пегом. – Кавалерия открыла ящик стола и, вытащив из него шнеппер, положила его перед Риной:

– Держи. Не дело ходить в нырки безоружной.

– Это же ваш! – сказала Рина.

– Ничего. Я достану себе другой. Возьми.

Шнеппер Кавалерии был небольшой, но тяжелый, с мудреными блочными дугами, устройства которых Рина до конца не понимала. В нем ощущалась мощь.

– Вам его не жалко? – спросила Рина.

– Жалко, – ответила Кавалерия честно. – Но для меня это первый сигнал, что его надо отдать. Не стоит привязываться к вещам.

Рина стояла, держа шнеппер в опущенной руке. Видя, что она не уходит, директриса вопросительно подняла голову.

– Я опять ничего не нашла на *двушке*. Почему? – спросила Рина.

– Ну, значит, искала не там. Это бывает. Задание сложное, – отозвалась Кавалерия.

– Нет, – сказала Рина упрямо. – Тут что-то другое.

Кавалерия прищурилась. В ее взгляде Рина угадала одобрение.

– Вот как? Значит, что-то еще? Что же, если не секрет?

– Мне кажется, *двушка* не подпустила меня к ней! – выпалила Рина.

Кавалерия цокнула языком.

– То есть ты считаешь, что *двушка* может что-то дать, а чего-то не дать? По настроению? Как человек? И дело вовсе не в том, что кто-то не имеет опыта?

– Ну... да, – осторожно признала Рина.

Кавалерия сняла очки и, закрыв глаза, стала устало массировать пальцами веки. Пока она сидела с закрытыми глазами, ее очки, положенные на стол, продолжали строго смотреть на Рину.

– Не совсем так, – сказала Кавалерия. – *Двушка* готова давать всегда. С удовольствием давать. Щедро. Но только тем, кто способен пронести. Если же она чего-то не дает, то только из любви. Значит, мы в этот момент не готовы. Не пронесем закладку через *болото*.

– Но первошныры находили закладки почти всегда! – воскликнула Рина.

Кавалерия покачала головой:

– Это нам сейчас кажется, что всегда. История отфильтровывает неудачи и оставляет лишь победы. К тому же мы, увы, не первошныры. Мы мизинца их не стоим. Они знали, что отступить нельзя. Что сделала Матрена Перцева, когда отмахнула саперкой сустав на сред-

нем пальце? Перетянула палец шнурком, завершила раскоп, нашла закладку и лишь потом полетела в ШНыр. Упрямство? Да. Головоотяпство? Да, крайнее! Ведь она могла истечь кровью. Но закладка, которую она тогда пронесла через *болото*, – одна из лучших в ШНыре. Чем могут эльбы испугать девушку, которая летит через *болото*, окровавленной рукой прижимая к груди закладку?

– Ничем, – сказала Рина, хотя вопрос явно не требовал ответа.

– Да, – кивнула Кавалерия. – Они жили так, словно уже были *там*. А мы стараемся усидеть на двух стульях. И там подстраховаться, и здесь устроиться... А быт? Мы увязли в нем как в трясине! Кто сейчас помнит, что по правилам первошныров у человека должно быть в собственности не больше восьми предметов?

– Ну я помню, – сказала Рина. – Вы нам говорили.

– И что? Кто меня услышал? И, будем откровенны, разве у меня самой их восемь? А ведь каждый предмет отвоевывает себе кусочек души – Кавалерия с сожалением оглядела кабинет, остановив взгляд на безделушках на полке.

– Наш мир с каждым годом все сильнее заболачивается, – продолжала она. – Все больше желающих принимать в себя личинки эльбов из-за тех выгод, которые это сулит. Стараниями ведьмарей это уже почти на потоке. Инкубаторов не сотни даже – тысячи. Новорожденные эли опасны не только для тех, у кого они внутри. Их испарения просачиваются почти в каждого живущего на земле. Золотым пчелам все сложнее отыскивать новых шныров. Очень часто им приходится призывать в ШНыр тех, кого триста лет назад они бы не выбрали. Но сейчас просто нет лучших.

– То есть мы худшие?

– Мы такие, какие есть. Увы, уже не первошныры. Потому что, если мы равны им, почему никто из нас не доныривает туда, куда доныривали они? Ведь *двушка* была бы рада нас пустить.

Кавалерия достала саперку, потрогала, хорошо ли та наточена, и вернула ее в чехол. Видя, что она готовится к нырку и о ее присутствии словно уже и не вспоминает, Рина стала отступать к двери, но тут глава ШНыра, не глядя на нее, сказала:

– Я навсегда запомнила один момент. Мой сын, он был тогда маленький, сказал: «Мама, помнишь, в кино была одна девочка? Монстр на нее напал, и никто не защищал девочку от монстра?» Я с трудом припомнила, что мы и правда смотрели с ним какой-то дурацкий, совсем слабенький фильм про пришельцев. Я его и пересказать бы не смогла. А он снова: «Мама, помнишь: монстр нападает, а девочку никто не защищает!» Я говорю: «Помню». А он снова о своем, и опять одно и то же. Тогда я потеряла терпение. Говорю: «Да сколько можно! Неужели так страшно?» И забыла об этом. А он так поморгал-поморгал и больше уже не переспрашивал. А потом, уже много позже я поняла: его ведь даже не монстр испугал, а то, что девочку никто не защищал.

Глава вторая

Dum vivimus, vivamus¹

*Мне стоит протянуть лишь руку,
чтобы взять тебя.
Мне стоит протянуть лишь сердце,
чтобы ты взяла.
Но я недвижим...
И ты
ушла.*

Юрий Волков

«Шныр без пег» – это таксист без такси», – любил повторять Кузепыч, и в негнущемся его голосе слышалась грусть: ведь сам завхоз ШНЫра не нырял.

И правда, если задуматься, ШНЫр возник из любви человека к пегу. Человек полюбил крылатую лошадь и летал на ней, с каждым разом все смелее и смелее. Однажды пег сложил крылья и понесся к земле. Человек доверился пегу и оказался на *двушке*. Закладки, защитный периметр ШНЫра, *нерти*, ведьмари – все появилось потом. Вначале же был просто пег, ото-звавшийся на любовь человека.

Вот и сейчас, ранним утром, задолго до завтрака, Ул и Яра шли в пегасню. Весна угадывалась пока только по раскисшей тропинке, которая ночью замерзала, а к полудню, как корыто, наполнялась водой из таявших сугробов.

В пегасне Ул первым делом отправился к Азе. Яра ревновала, слушая, как он полуласково-полуворчливо бормочет в деннике, причем ей казалось, что голос его звучит гораздо нежнее, чем когда он разговаривает с ней. За перегородкой шла ласковая возня. Кто-то толкался, гремел, сопел. Казалось, что там происходит любовное свидание. Яра не выдержала и, подкравшись, попыталась заглянуть через сетку.

– Морду убери! – резко сказал Ул.

Яра оскорбленно выпрямилась.

– Совесть надо иметь! Ты и так уже все карманы мне изжевала! – снова сказал Ул, и Яра успокоилась, поняв, что Ул ее даже не видел. В конце концов, она же карманов Улу не изжевывала.

Потом и сама Яра пошла к Гульденку, а когда освободилась, то Ул позвал ее к Цезарю, которого надо было перековать. Цезарь же очень этого не любил и, если не усмотреть, вполне мог отгрызть палец или ухо. Зубами он клацал так, что Кавалерия нередко дразнила его Дыроколом.

Яра держала Цезаря под уздцы, смотрела на Ула, шатающегося под тяжестью навалившегося на него плечом жеребца, и весеннее счастье наполняло ее. Она думала, что вот он – ее собственный мужчина и отец ее ребенка. Не самый, конечно, стройный, видимо, не самый умный, но радостный и надежный. И любимый. И останется таким навсегда.

Ул ощутил ее взгляд и вопросительно вскинул глаза.

– Чего со мной не так? Ты смотришь на меня, как хозяйка на кусок просроченного маргарина! – пропыхтел он.

Яре захотелось озорничать.

– Ты меня любишь? – спросила она.

---

¹ Пока живется – будем жить (лат.).

– Ну уж не знаю... – отозвался Ул осторожно, потому что вопрос этот из женских уст всегда опасен и обычно предшествует просьбам.

– Тогда возьми меня на руки! – потребовала Яра.

– Сейчас! Только жеребца немножко на ручках подержу! – сразу согласился Ул, отталявая морду Цезаря, который попытался снять с него зубами скальп.

Яра засмеялась. Примерно такого ответа она и ожидала. Приятно, когда ты можешь предсказать реакцию собеседника в восьми случаях из десяти. В этом есть какая-то надежность.

Закончив с Цезарем, Ул подошел к Яре и, хотя она уже не помнила о своей просьбе, подхватил ее на руки.

– Ну? И каково держать меня на руках? Не правда ли, несказанное счастье? – спросила Яра.

– Ты легкая, как облачко в небе! – сказал Ул.

Яра хмыкнула:

– Сомнительный комплимент.

– Почему?

– Вас в школе не учили, что средний вес облака восемьсот тонн? Даже самое маленькое облачко – это уже тонн сто. Так что, молодой человек, мне ваши намеки непонятны.

Ул осторожно опустил ее и, неуклюже переминаясь, положил ладонь на ее живот – еще такой маленький, что никто в ШНыре ни о чем не подозревал.

– Как он? Слушается маму? – спросил Ул тихо.

Яра погладила его по руке:

– Пока слушается.

– А ты его как-нибудь уже воспитываешь?

– А то, – сказала Яра серьезно. – Разговариваем с ним. Вчера вон альбом с живописью смотрели. Потом капусту соленую ели. Причем альбом ему, кажется, меньше понравился.

Ул одобрительно кивнул.

– Может, почитать ему «Кодекс шныра»? – предложил он.

Яра в первую секунду по инерции засмеялась, а потом, с некоторым опозданием поняв смысл, заглянула Улу в глаза.

– Зачем это? Думаешь, он не сможет остаться? – спросила она резко.

– Почему не сможет? Я этого не говорил! – возмутился Ул. Но все же, ощутив, что тема опасная, больше к ней не возвращался. Вместо этого шепнул: – Будет мальчик!

– А если не мальчик? – обеспокоилась Яра, предпочитавшая рассматривать все варианты.

– Не мальчик? А кто тогда? – искренне удивился Ул.

Яра легонько постучала пальцем по своему животу.

– Ну мало ли. Хомяк какой-нибудь. Всякие бывают неожиданности, – сказала она уклончиво.

Внезапно в узкое, идущее вдоль всей пегасни окно кто-то постучал. Ул и Яра увидели огромный горшок, таращившийся на них блестящими пуговицами. Чтобы заглянуть в стекло, Горшене приходилось пригибаться. В неморгающей неподвижности пуговиц и во всей фигуре Горшени было что-то торжественное, немного жуткое.

– Он от нас чего-то хочет, – прошептала Яра – и не ошиблась, потому что длинный палец Горшени шевельнулся, маня их за собой.

Когда они вышли из пегасни, гигант сделал два огромных шага и оказался прямо перед ними.

– Горшеня пойдет – вы догоняйте! – сказал он.

– Куда? – спросил Ул.

Не отвечая, Горшениа повернулся и, не оглядываясь, направился к ШНыру. Он шел напролом, по снегу, и Ул с Ярой, увязая, догоняли его с огромным трудом. У них-то не было таких ходуль. Ишь ты, бредет, как аист по болоту, и ничего ему.

Горшениа прошел мимо заднего крыльца ШНыра, ведущего на кухню. В кухне что-то грохотало. Яростно гремели котлы. Из дверей вырывался пар. Жалобно попискивал недоубитый Гоша. Можно было подумать, что Суповна, как Баба-яга, заталкивает его в котел, а он расставляет ручки и ножки – сопротивляется.

– Завтрак готовят! Опять небось чего-то не купили! – сказал Ул.

Яра сжала ему руку. Ей было тревожно. Горшениа дошел до угла ШНыра, где из снега торчал низенький квадратный сруб. Ул видел его и прежде, но никогда им не интересовался, считая, что это старый колодец. Горшениа наклонился и рывком поднял отяжелевший от сырости деревянный люк. Они увидели начало железной лестницы. Придерживаясь за раскисшие края сруба, Ул осторожно заглянул. Многие перекладины лестницы выглядели ржавыми.

– Горшениа лезет. Вы лезете, – сообщил великан и начал решительно втискиваться в колодец.

– А мы не того? Высоко же! – спросил Ул, тревожась за Яру.

– Устанете – разжимайте ручки и падайте. Горшениа будет глотать!

– Лучше не надо! – вежливо отказался Ул.

Горшениа уже спускался. Несмотря на огромные свои размеры, делал он это ловко, точно паук, чаще всего даже не хватаясь за перекладины, а просто упираясь в стенки колодца. Ул и Яра следовали за ним. При этом Ул больше волновался за Яру, чем спускался сам, и Яру это сердило.

– Ты можешь что-нибудь одно: или меньше беспокоиться, или на пальцы мне не наступать? – спросила она.

Наконец лестница закончилась, и они оказались в узком ветвящемся тоннеле. Прикинув, как тоннель идет по отношению к зданию ШНыра, Ул определил, что эта система ходов принадлежит все к тем же шныровским подземельям. Несмотря на низкий потолок, Горшениа повсюду протискивался, хотя кое-где ему приходилось пригибаться. Все освещалось факелами. Некоторые из них послушно зажигались и гасли, когда они проходили. Другие шипели, чадили и потрескивали, третьи давно уже ухитрились прогореть, и теперь там и факела вовсе не было, а вспыхивал прямо воздух, и, если кто-то, вовремя не угадав это место по кольцу в стене и по черному нагару на потолке, попадал в пламя головой, то винить уже мог только себя.

– Магия стареет. Дает сбои. Среди же современных шныров нет таких, у кого хватило бы способностей все тут наладить, – сказала Яра, вовремя ныряя под очередной такой факел, едва не оставивший ее без волос.

– Белдо надо сюда пригласить. И Мокшу Гая. Только фигуса с два они сюда попадут, – буркнул Ул.

Он следовал за Горшенией, вспоминая часто звучавшие слова, что «это не у ШНыра есть подвал, это у подвала есть ШНыр». Они долго петляли. В одном месте Улу и Яре пришлось прикасаться к стене *нертью*, чтобы пройти насквозь. Горшениа же как-то прошел и без *нерти*. Причем как именно он это сделал, осталось тайной, потому что Ул с Ярой увидели его уже на той стороне.

Горшениа стоял в маленькой и тесной пещере и идти больше явно никуда не собирался. Чем-то пещера напоминала зал памяти. В ней тоже были деревянные манекены, правда всего два, а на них – шныровские куртки. Под манекенами лежали засохшие цветы. Когда Ул и Яра приблизились, вокруг манекенов вспыхнули уже не факелы, а свечи. Их было множество – маленьких белых свечек, прилепленных к неровностям камня.

Горшениа подошел к крайнему манекену, присел и нежно, как жеребенка, погладил отвердевшую от времени кожу куртки.

– Носко Гнездило... Хороший шныр. Далеко нырял, – сказал он. Потом шагнул к соседней куртке, много меньшей по размеру, которая могла бы подойти тринадцатилетней девочке.

– Матрена Аляпова. Худенькая была, малютка, а бойкая, на язык острая. Горшеня ее глотал, чтобы новые слова узнавать.

В голосе Горшени не было тоски. Он говорил очень просто – точно представлял Улу и Яре живых людей, в гости к которым они пришли. Ул и Яра осторожно ждали, что будет дальше. Но Горшеня просто стоял и, пользуясь длиной своих рук, ухитрялся одновременно прикасаться к обеим курткам.

– Она любила его. Он любил ее. Должен был родиться ребенок, – сказал Горшеня.

Яра, замерев, подалась вперед.

– И... Что стало с ними и с ребенком? – быстро спросила она.

Горшеня снова погладил обе куртки. Грустно погладил, словно прощался с ними. Потом, внезапно вскинув глиняный горшок, к чему-то прислушался. В круглых пуговицах его глаз многими точками отражались огоньки свечей.

– Вам пора! – сказал Горшеня. – В колодец не надо. Идите туда! Окажетесь сразу в ШНыре!

Яра попыталась остановить его, но гигант быстро отшагнул назад. Бараний тулуп распахнулся. Порыв воздуха погасил свечи. Когда спустя несколько секунд свечи вновь зажглись сами собой, Горшени в пещере уже не было.

Ул с Ярой еще немного постояли у манекенов, ощущая непонятную робость, точно люди, которым пришлось присутствовать на собственных похоронах. Ул потрогал кожу курток. Она совсем растрескалась. Ее не спасли бы уже никакие смягчающие средства. Кроме того, на той куртке, что была больше, палец его ощутил два крайне подозрительных сквозных отверстия. Едва ли кожа треснула бы так сама. Яре он ни о чем говорить не стал.

Яра на миг прижалась щекой к плечу Ула.

– Пойдем... Мне почему-то здесь страшно... Уведи меня отсюда! – прошептала она.

Они коснулись *нертями* стены. Главный коридор оказался именно там, где показывал Горшеня. Тут же, буквально в двадцати шагах, Ул обнаружил и основной зал памяти, откуда он уже хорошо знал дорогу.

– А почему они все-таки отдельно от других? – спросил он у Яры, но конец вопроса отчего-то скомкал, так, чтобы Яра не расслышала. Что-то во всей этой ситуации его очень смущало.

Оказавшись в ШНыре, они сразу встретили Родиона.

– Идем, боец! Кавалерия нас с тобой зовет! – окликнул он Ула, поманив его за собой.

– Вот чудо былиин! Горшеня знал, что нас ищут! – сказал Ул, оглядываясь на Яру.

– Тебя ищут! – поправил Родион.

– А меня не зовут? – озадачилась Яра.

Родион ухмыльнулся:

– Почему? И тебя зовут! Тебя зовут другие дела!

Яра хотела резко ответить, но вовремя спохватилась, что со стороны Родиона это не было грубостью. Просто Родион предпочитал ее не замечать, как не замечал вообще любую женщину, принадлежащую другому. Не то чтобы плохо к ней относился – но зачем замечать чужую собственность, если это будет неприятно ее хозяину? Возможно, это было неправильно и низводило женщину до положения почти что кошки. Но такая уж у Родиона была логика.

Ул ушел, виновато оглянувшись на Яру, а Яра стала думать о Родионе. Вспоминала, как в первые годы, когда только оказался в ШНыре, он часто уходил, но домой не к мамочке, как некоторые нытики (не будем показывать пальцем на Афанасия), а в лес, имея при себе лишь нож и топор, и жил там неделями, строя убежища и питаясь подножным кормом. Даже живя потом в Москве, он до конца не отказался от лесных привычек. Стрелял из шнеппера голубей,

слопал утку со сломанным крылом, наловил в городском пруду бычков размером с мизинец и, отказавшись их отпускать, сжевал сырыми на глазах у перепуганных бабулек.

Глава третья

Укуси Гиелу!

Человек чаще всего сдается за пять минут до победы. Ему тогда всегда кажется, что все проиграно. Ну как самая большая тьма бывает перед рассветом. Царь Николай II отрекся от престола за несколько месяцев до того, как Германия была побеждена. Большинство поклонников дают задний ход, когда девушка уже мысленно сказала им «да», и так везде и во всем. Однажды я струсил и сдался на соревнованиях, хотя сломал противнику ребро и он сломал об меня мизинец. Он вообще не пойми как стоял. То есть если вам сейчас кажется, что все очень плохо, то это потому, что вы победили. Так что скорее задирайте ручки!
Йозеф Эметс,
венгерский философ

Кавалерию они нашли в оружейной. Так называлось длинное помещение, где на стенах висело несколько мощных, отбитых у ведьмарей, арбалетов, хранились их секиры и топоры, и тут же, на полках у окна, лежали шнепперы, частично растащенные на запчасти. Когда-то здесь был и тир, пока Кузепыч не завалил его коробками. Теперь желающие пострелять регулярно намекали Кузепычу, чтобы он коробки свои отсюда убирал, на что Кузепыч отвечал: «Хоть поджигайте все, якорный пень! Только сами потом с Меркурием будете разбираться! Там его седла и попоны!» Шныры шли к Меркурию. «Какие. Седла. Что. Он. Врет. Там седел нет. Там все. Суповны», – говорил Меркурий.

Подталкивая друг друга в спину, шныры с робостью шли к Суповне. «Да хоть подышайте все от голода! Не нужна мне мука – пушай под дождем гниет! Все вышвыривайте! Мне ничего не надо! Я хоть завтра из ШНЫра уйду! У меня в Копытово комната! Я за нее коммуналку плачу каждый месяц!» – вопила Суповна.

Шныры начинали потихоньку пятиться. Тем временем, погромыхав котлами, Суповна постепенно успокаивалась и, выглядывая из кухни, кричала им вслед: «Там вообще ничего моего нет! Там Кузепычевы железки! Нехай он ими подавится!»

Круг замыкался. Оружейная так и оставалась заваленной. Правда, временами кто-нибудь слишком рьяный порывался стрелять через коробки, но в дверях друженько появлялись молчаливые Кузепыч, Меркурий и Суповна, и бедный стрелок сам ощущал себя мишенью.

Сейчас Кавалерия сидела за единственным незаваленным столом оружейной и, используя наточенный обломок охотничьего ножа, пыталась из двух неисправных шнепперов собрать один работающий.

– У меня отвертка есть, – предложил Ул.

– У меня тоже есть, – ответила Кавалерия. – Но на самом деле я просто успокаиваюсь. А охотничий нож успокаивает меня больше.

Отложив шнеппер, Кавалерия встала. Октавий, сидевший у нее на коленях, недовольно заворчал, потому что ему пришлось спрыгнуть.

– Помолчите, император! Время дискуссий еще не наступило. Я даже не задала еще тему. А тема такая! Ведьмарей как магнитом тянет в Екатеринбург. Почему?

Ул тоже слышал об интересе трех фортов к Екатеринбургу.

– Ну как? – удивился он. – Создали в городе свою базу и активно вербуют инкубаторов. Больше инкубаторов – больше эльбов. Мир становится загаженнее и ближе к *болоту*.

– Да, – согласилась Кавалерия. – Но практика показывает, что до этого ведьмари предпочитали загаживать карту России в спокойном последовательном режиме. В город неторопливо

отправляется четверочка: делмэн от форта Долбушина, боевой маг и два берсерка охраны. Они же шурики на побегушках. Все это шастает, изучает достопримечательности, обустривается. Потом так же без спешки прикупается небольшой подвальчик, и, маскируясь под какой-нибудь центр личностного роста, начинает потихонечку штамповать инкубаторов. До того как в городе начнет твориться реальная чертовщина, проходит лет пять.

– А тут? – спросил Родион.

– А тут, – сказала Кавалерия, – интерес к Екатеринбургу был какой-то бурный, внезапный! Точно кипятком тараканов ошпарило! Неделю назад в город было послано сразу двенадцать боевых четверок, причем в экстренном режиме! Руководит всем лично Тилль. Многих боевых ведьм срывали буквально с кровати. Причем это были лучшие боевые ведьмы Белдо! Туда же направили и лучшую четверку на гиелах! Асы!

Октавий, снова взятый на руки, неожиданно вскинул морду и лизнул Кавалерию в нос. Та поморщилась.

– Октавий! Отойдите от меня, ужасное слюнявое животное! Собака, не имеющая элементарного самоуважения, не имеет права называться даже кошкой!

– Да уж. А про ШНыр правда... Небо над ШНыром стало много спокойнее, – с неохотой признал Родион.

Ему хотелось драться – а с кем тут подерешься, когда небо патрулируют берсерки-среднячки? Надежные такие, не асы, но вполне себе профессионалы. Они и сейчас небось там. Держатся напротив солнца, чтобы не разглядеть их было, и ждут, пока эльбы из *болота* сообщат, что кто-то из шныров несет что-то ценное. Без закладки же летай сколько хочешь. Ни на какие вызовы берсерки не реагируют, хоть красной тряпкой размахивай. Спокойные, гады! Уравновешенные! Ситуация с Риной была исключением, и то больше из-за самостоятельности младших Тиллей.

Из всего ШНыра Родиона понимала только Штопочка. Она тоже: не подралась – так словно зубы не почистила, неудобно. Торчит в пегасе у своего Зверя или втыкает в бревно спички и рассекает их ударами бича.

– Так отчего такой интерес к Екатеринбургу? – повторил Ул.

Не отвечая, Кавалерия надела на правую руку перчатку, мимолетно коснулась уника на *перти* – и рука ее исчезла по плечо, нырнув в пустоту. Ул моргнул. Он видел это не впервые, но до сих пор не привык. Несколько мгновений Кавалерия с озабоченным лицом точно шарил по ящикам невидимого стола, затем рука ее появилась вновь. Пальцы сжимали что-то довольно большое. Улу показалось, что это раскисший, растрепанный по волокнам кусок доски, выброшенный морем.

– О! Деревяшка! – сказал он удивленно.

Лишь Кавалерия умела так вздрагивать бровями, что хотелось откусить себе язык.

– Ты тоже считаешь это деревяшкой? – уточнила она у Родиона.

Родион решил изменить угрюмому смотрению в стену.

– Горное мясо. Асбест... – процедил он.

Кавалерия одобрительно кивнула:

– Умничка! Хотя кто-то из старших шныров что-то соображает! Раньше из подобных камней скатерти ткали. Кружева, салфетки всякие. Бросают залитую вином скатерть в огонь – и она снова чистая!.. Только кружевницы до тридцати лет не доживают. Асбест превращает их легкие в дуршлаг. Но не в этом суть. Я нашла это позавчера в сумке одного из ведьмарей, который, насколько я понимаю, хорошо пошастал по Екатеринбургу.

– Вы были в Екатеринбурге? – удивился Ул, который не заметил, чтобы Кавалерия куда-то уезжала.

– Должна же я была понять, что привлекло там ведьмарей? Нет-нет, я не рисковала. Я появилась там буквально на час, и почти сразу мне очень повезло с этой сумкой.

– Они вас видели?

Кавалерия усмехнулась:

– Надеюсь, нет. С моим уникамом не обязательно соваться близко. Но горное мясо, в конце концов, не редкость. Я думаю, ведьмарей привлекло совсем другое!

Она перевернула камень, и Ул заметил в нем небольшое углубление. Он вопросительно взглянул на Кавалерию. Та поощрительно кивнула, и Ул вложил в углубление пальцы. Фигурки на *нерпи* вспыхнули, но бледно, точно отразив далекую луну.

– Остаточное сияние! Тут была закладка! – сказал Ул.

– Была, но сплыла, – хмыкнул Родион.

Кавалерия кивнула.

– Получается, это горное мясо с *двушки*? – спросил Ул.

– Возможно, – подтвердила Кавалерия. – Но у первой гряды я никогда не встречала этих пород... Значит, либо это закладка со второй гряды – но тогда почему она в Екатеринбурге? – либо я не знаю правильного ответа.

– А ведьмари знают?

– Похоже, да, если отправили в Екатеринбург такой сильный отряд, – неохотно признала глава ШНыра.

– И что будем делать? – спросил Родион.

– Вариант один. Нам тоже придется послать кого-то в Екатеринбург на разведку. Выяснить, что ищут там ведьмари.

Ул соображал быстро:

– Двенадцать четверок. Плюс инкубаторы. Плюс какие-то местные союзники. Итого человек сто. С одной саперкой не сунешься. От шнеппера тоже толку мало. Нужна хотя бы парочка охранных закладок, чтобы им под базу подложить.

– Нет, – воспротивилась Кавалерия. – Телепортировать закладки нереально, а на пегах вам лететь опасно.

– Сейчас по-всякому опасно. Теперь, когда у ведьмарей пропало это вот, – Ул кивнул на горное мясо, – они усилят меры безопасности. Блокируют телепортации или поставят искатель. Не хочу телепортироваться в бетонную стену. Там внутри скучно, хотя скука и непродолжительна.

Кавалерия куснула дужку очков.

– Ну хорошо. Летите на пегах, – решила она. – С одной ночевкой должны добраться. Только будьте предельно осторожны. Сдается мне, что в небе над Екатеринбургом шныров будут сбивать без всякой жалости. Это здесь они церемонятся.

Родион усмехнулся. Когда стало ясно, что придется лететь, глаза у него сразу загорелись и тоски в них поубавилось.

– Это понятно, – сказал он. – Но мы уж как-нибудь. Бочком. За тучку спрячемся.

– Знаю я твое «бочком». Нет, вдвоем с Улом я вас не отпущу. Возьмите с собой кого-нибудь третьего.

– Штопочку или Макса! – предложил Родион.

– Чтобы вы устроили там побоище? – ласково спросила Кавалерия.

Родион крикнул и пошевелил пальцами.

– Ну не то чтобы побоище... – смущенно пробурчал он.

– Нет, – твердо сказала Кавалерия. – Макс нужен мне здесь. А Штопочка слишком отчаянная. Здесь ее хоть ограда ШНыра прикрывает, есть куда деться, когда силы неравны, а там ее сразу убьют.

– Ну не сразу, – сказал Ул. Потом подумал и добавил: – Но убьют. Да. Зато какое будет начало! Сидит такой Тилль за обедом, обсасывает куриную ножку. В каждую ноздрю вставлено по сигарете, чтобы можно было курить без отрыва от питания. А тут – раз! – в стекло врезается

гиела. Потом еще одна... На улице вопли, в небе мельтешня. «Что бы это могло быть? – думает Тиль. – Ага! Похоже, это Штопочку попросили незаметно все разведать!»

– Примерно так все и было бы, – сухо сказала Кавалерия. – Поэтому Штопочка останется в ШНыре. Вы же возьмете кого-то из новичков. Пусть обкатается дорогой. Кажется, самый подходящий – Сашка.

Лицо у Ула вытянулось. Он надеялся выторговать хотя бы Афанасия.

– Сашка, конечно, ничего. Но в воздушных боях он не копенгаген, – торопливо сказал он.

– Да, – признала Кавалерия. – Но мне не нужны воздушные бои. Мне нужна разведка. Пришли и на мягких лапках ушли. В бой вступать только в самом крайнем случае... Готовьтесь! Вылетаете завтра утром.

Ул вышел первым. Родион еще некоторое время постоял, потом качнул головой и, показывая, что ему все равно, враскачку пошел за Улом. Кавалерия быстро коснулась пальцем *русалки*, и дверь захлопнулась перед его носом.

– погоди! – сказала она.

Родион остановился, но оборачиваться не стал.

– Ну? – спросил он.

– Я знала немало людей с сильными страстями, – сказала Кавалерия его спине. – Они грызли руки зубами до крови и катались по полу, ударяясь головой о батарею. Зимой шли на пруд топиться и не топились потому только, что по дороге их сбивала машина. В пятнадцать лет выпрыгивали с третьего этажа, когда их не пускали на дискотеку, доходили до остановки и в автобусе уже теряли сознание от перелома пяток.

– И дальше что? – спросил Родион.

– Дальше одно из двух: либо они брали себя в руки и постепенно изживали это, либо их разносило вдребезги.

– Крайне поучительная история! – насмешливо сказал Родион. – Она открыла мне глаза на самого себя. Я могу идти, чтобы обдумать все на досуге?

– Да, – сказала Кавалерия серьезно. – Обязательно обдумай на досуге. И осторожнее там! Сашку мне сберегите!

Русалка снова вспыхнула. Дверь открылась.

* * *

Вечером, вскоре после ужина, Сашка стоял в пегасне между Родионом и Улом и, вертя головой то в одну, то в другую сторону, получал инструктаж.

– Возьмешь с собой вещей дня на три-четыре. Саперку, шнеппер. Более серьезное оружие мы захватим сами, – Ул ободряюще похлопал Сашку по плечу. – Я буду на Азе, Родион – на Митридате. Ты на ком?

– А кого взять? – спросил Сашка.

– Бери Аскольда! Коняка хорошая, пусть пролетается. Не только же Кузепычу на нем кирпичи возить.

Сашка осторожно кивнул, соглашаясь лететь на Аскольде.

– А бомбовоз выдержит? – спросил он. – Он так далеко никогда не летал.

Ул поскреб ногтями шею:

– Должен выдержать, если дорогой отдохнуть давать. Тут другая опасность. Не исключено, что берики могут привязаться.

– Без закладок? – удивился Сашка.

– Да, – сказал Ул. – Если они догадаются, куда мы летим, обязательно попытаются нас сбить. Не любят они, когда лезут в их дела. Они только сами, чудо былиин, могут в чужие дела

лезть! Поэтому правило такое: голова вертится во все стороны. Ворот должен до крови шею натирать. Кто свою шею жалеет – тот пегя не жалеет.

Сашка вспомнил, что военные летчики когда-то летали в шелковых шарфах, и предложил раздобыть такие же.

– Ага! Сто тысяч миллионов штук!.. Воротник из простыни подошьешь – и хватит с тебя! – сказал Ул. – А чтобы без толку головой не крутить, запомни золотое правило. Взгляд бросаешь в одну сторону. Прямо все там пронизываешь. Если ничего там не увидел, ни пятнышка – в ближайшую минуту можешь туда не смотреть. Оттуда ничего не свалится. Смотришь в другую сторону. И так по кругу. Запомни: самых опасных участков два. Один – прямо у тебя над головой. Другой – внизу, со стороны хвоста пегя. Там ничего не просматривается, и берсерки это знают. Поэтому лететь на опасных участках будем зигзагами. Связь через *кентавра* в экономичном режиме, чтобы надольше хватило.

– А если кто-то сверху? – спросил Сашка.

– Если видим, что берики выше нас, разбегаемся, чтобы они не поняли, куда мы летим, потом опять собираемся. Но если они нас уже атаковали, то мы их встречаем на горизонтали.

– Встречаем? – не понял Сашка.

Родион прокрутил нож между пальцев.

– Да. Хлебом и солью, – сказал он. – Встречаем – это увливаем от атаки, разворачиваемся и несемся им в лоб.

– В лоб? – недоверчиво спросил Сашка. – Что, прямо так в лоб?

Родион ухмыльнулся:

– Да, прямо так. Я гиел на грудь пегя три раза ловил. И ни одного пегя не потерял. Поверь, если они сталкиваются, костей гиела уже не соберет. Надо только точно на грудь поймать, не на крыло.

– А не укусит?

Родион сплюнул:

– Когда ей кусать? Встречная скорость у вас – сто метров в секунду. Давай я тебе кулаком сейчас в зубы дам, а ты мой кулак укуси!

Зная, что у Родиона слова обычно не расходятся с делом, Сашка поспешил сказать, что верит ему без экспериментов.

– Это правильно, что отказался, – одобрил Родион. – И берсерк знает, что его размажет, и обычно отворачивает. Не выдерживают они лобовой. Кишка тонка. Берсерку всегда есть что терять. У него домик во Франции, денежки, псиос, блондинка длинноногая с земли платочком машет... Это шныру терять нечего! Только суп из котла и гамак на чердаке.

Заметив, что Родион начинает заводиться, Ул слегка наступил ему на ногу. Родион насунился:

– Короче, берсерк обязательно отвернет, а ты вперед прорываешься. Тут он тебя уже не догонит. Гиела – она хоть и вертлявая, а крылья у пегя помощнее. Поэтому как берики атакуют? Они или сверху сваливаются в пикировании, чтобы скорость побольше набрать и пегу с налета крыло сломать, или стараются снизу подобраться, со стороны брюха, когда с землей сливаются. Им так удобнее. Гиела рванула пегя зубами – и в сторону. Ждет, пока яд подействует... ну а ты уж кувыркайся с ним вместе, пока земля не примет.

– А арбалет? – спросил Сашка. – Не пальнет берсерк, когда я на него в лобовую? Ну или сам, когда сваливается?

Родион снова сплюнул. Он вообще много плевал. Иной раз, пока говоришь с ним, – столько нацывает на асфальт, что даже смотреть противно. Хорошо хоть сейчас внизу был песок и солома.

– Вот уж наградили помощничком... Растолкуй ему! Меня уже ломает объяснять! – сказал он Улу и, махнув рукой, отошел к Митридату.

Ул был терпеливее Родиона:

– Фигуса с два он стрелять будет. Да и за топор едва ли возьмется. Арбалеты, шнепперы – это хорошо, когда вы, чудо былиин, рядышком летите, как две печальные вдовицы. Или когда у тебя пег из нырка вышел и так устал, что крылышками едва машет. Тут и из арбалета пуляй, и топориком размахивай – полное тебе счастье! А так какой арбалет, когда у берика скорость на пикировании под триста километров? Какой глупец будет тут из арбалета пукать? Да у него арбалет из руки вырвет и узлом завяжет. Тут уж зубами надо в гиелу цепляться, просто чтобы не сорвало...

Сашка любил выяснять все до конца.

– А в Рину почему недавно целились? – спросил он.

– Да потому и целились, что она совершила все возможные ошибки. Первое: далеко вышла из нырка на усталом пеге. Второе: тянула к ШНыру на малой высоте, да еще над полем, где ее сверху только слепой не заметит. Третье: отвлеклась на ту боевую двойку, что впереди, и начала шарахаться. Это же типичная приманка! Один оттягивает внимание, другой атакует. Четвертое: не проконтролировала спину и подпустила гиелу со стороны хвоста... Короче, будь у ведьмарей серьезные намерения – не собрать бы ей костей... Ладно, по дороге разберемся! Ты, главное, оденься потеплее. А то свежемороженые шныры в воздушном бою не котируются.

Сашка торопливо пытался осмыслить информацию. До этого воздушному бою их учили, но явно недостаточно. Про пикирование он, например, знал, а про шнепперы нет.

– Может, мне сегодня вечером что-то почитать? Ну про воздушный бой? – спросил он.

Ул усмехнулся:

– И что ты считаешь? Настоящие шныры мемуаров не строчат, а которые строчат, тех лучше не читать, потому что врут много. Я тоже перед первым боем начитался... Схемы рисовал. А когда бой начался, я – чудо былиин! – в гиелу ботинками кинул.

– Ка-ак?

– А так. Возвращаюсь из нырка. И шнеппер у меня был, и саперка. Все путем. А на шее ботинки висели, за шнурки связанные. Промокли, понимаешь, я их и повесил сушиться. Вижу: гиела с хвоста заходит. Растерялся. Вообще непонятно откуда взялась, только что смотрел же туда!.. Как схвачу ботинки, за *льва* – цап! – чтобы бросок усилить, и в нее кидаю.

– И что? Попал? – спросил Сашка.

– А без понятия, – сказал Ул. – Оторвался как-то. Через минуту гляжу: нет хвоста. Одно из двух: либо гиела от ботинка шарахнулась, либо берсерк с таким идиотом, как я, решил не связываться. В общем, я жив... Давай корми Аскольда, и получше! Ему завтра работать!

Сашка послушно двинулся к деннику Аскольда.

– Постой! – окликнул его Ул.

Сашка остановился.

– Конфетку хочешь? Подкорми мозги сахаром. А то мы тебя загрузили!

– Не «Рафуфелло»? – спросил Сашка, ловя конфету на лету.

Ул расхохотался. Шутку про «Рафуфелло» понимали только шныры. Конфеты это были, возможно, хорошие, но окаменевшие за десять лет своего существования. И все это время шныры дарили их друг другу на день рождения. Афанасий подарит Яре, Яра – Штопочке, Штопочка – Витяре, Витяра передарит еще кому-нибудь.

Когда на одиннадцатый год земного существования конфет вечноголодный Макс вскрыл нарядную коробочку и, едва не сломав при этом зуб, разгрыз одну «рафуфеллину», его едва не прикончили, потому что он оставил шныров без универсального подарка. А Макс, удирая, оправдывался и вопил: «Чего вы пы... пристали, п-п-психи? Р-разве это не м-мой подарок?»

Конфета, которой Ул угостил Сашку, оказалась обычной ириской – грозой пломб и лучшим другом стоматологов. Разжевывая ее, Сашка вычистил и накормил Аскольда. Приготовил

назавтра хорошее седло, потник и вальтрап. Особенно долго пришлось искать вальтрап – вроде обычная тряпочка, да только попробуй найти чистый и без дыр. Все попрячут свои по углам, потом ходят и побираются, прикидываясь, что они бедные сиротки.

К Рине Сашка собрался лишь поздно вечером. Надо же сказать ей, что он уезжает. Утром она будет спать и попрощаться не получится. Перед тем как войти, Сашка постучал.

– Кто бы ты ни был – отвали! – заорал кто-то, но Сашка, которому нужно было увидеть Рину, все равно толкнул дверь.

Оказалось, что «Отвали!» кричала Алиса, которая и мчалась к дверям с занесенной над головой шахматной доской. Сашка готовился уже спастись бегством, но Алиса вдруг преспокойно остановилась и вернулась на свою кровать. Как оказалось, она считала, что это Кирюша, который основательно достал всю комнату девушек.

– Проходи! Твоя вон там!.. Эй, медведь, кабан Пятак пришел! – буркнула Алиса.

Рина, непонятно отчего названная медведем, стояла перед столом и выискивала свой шнур USB в огромном спутанном клубке, состоявшем из двух зарядников Лары, одного Лены, трех Алисы, шерсти для вязания, наушников и еще непонятно каких шнуров и веревочек. Клубок этот давно уже никто не пытался распутать, а так и вставляли в розетку, втыкая потом свои телефоны в подходящие гнезда. Со стороны, если посмотреть на клубок вечером, он напоминал большого ежа, несущего на колючках с десятков телефонов.

– Привет, кабан Пятак! – сказала Рина.

Кабан Пятак негромко хрюкнул.

Рина наконец нашла нужный ей шнур. Пока она с ним возилась, Сашка взял со столика непонятную одинокую кисточку, повертел ее в пальцах, зачем-то понюхал и положил обратно. На носу у него осталась черная точка.

– Тушь, – сказала Рина. – Ну, чего тебе?

Сашка сообщил, что пришел попрощаться. Завтра улетает в Екатеринбург с Улом и Родионом. Ты там не скучай, веди себя хорошо, не ходи без шарфика.

– Зачем в Екатеринбург? – спросила Рина.

– Да надо там бериков погонять, – небрежно уронил Сашка.

Рина на мгновение застыла и перестала дергать провод. Сашка попытался определить выражение ее лица, но у девушек столько выражений, что лучше в них вообще не разбираться. Только сам запутаешься и бедную девушку запутаешь. Она не знает, как и себя-то понимать, а тут еще ты будешь ее озадачивать.

– Ну и прекрасно! – сказала Рина. – Привези мне оттуда какой-нибудь магнитик!

– И все? – спросил Сашка.

– Все. Можешь привезти два магнитика. А теперь брысь! Я хочу спать!

За спиной у Сашки кто-то хокнул. Это была Фреда. Она валялась на кровати и смотрела на них прищуренными, немного завистливыми глазами. В градации ее звуков хоканье обитало между хеканьем и слабоокрашенным фырканьем. Посозерцав Сашку, Фреда, видимо, сочла хоканье недостаточно выразительным и перелицевала его в покашливание. В результате получилось, будто поблизости душат подушкой оперного певца.

– Не бойсь, солдат! И не особо ее слушай! Она тебя любит! – сказала Фреда.

Рина задохнулась от негодования:

– Я?! Его?! С чего ты взяла?

– Вчера мы с тобой плавали в одной чайной луже: сидели за мокрым столом, который Лара залила чаем. Было такое дело?

Рина что-то пробурчала.

– Так вот, – насмешливо продолжала Фреда, – у меня в луже лежала *нерть*, повернутая *кентавром* вниз, а у тебя просто голая рука. Оказалось, так можно читать мысли. Только не онлайн, мелкие, которые порхают как мошки, а глубинные, которые действительно вол-

нуют человека... В общем, ты его любишь!.. А теперь прогоняй его! А то уже поздно! – сказала Фреда и, повернувшись к стене, стала звонить своей маме, чтобы дать ей вечерние указания.

Глава четвертая

Полосатые тучи

*Я бы обнял тебя, но я просто текст.
Надпись на заборе*

Сашка был уверен, что они вылетят на рассвете, но ошибся. Ул с Родионом не смогли вовремя найти сумку-холодильник, в которой собирались перевозиться *ледовики* – атакующие закладки, изготовленные по рецепту первошныров. В кубиках сухого льда полыхал негаснущий сиреневый огонь, не требующий воздуха и не боящийся воды. От берсерка, рядом с которым взорвался бы *ледовик*, не осталось бы и одиноко летающего аппендикса. Пока Ул с Родионом разбирались с сумкой-холодильником, у младших и средних шныров успели закончиться утренние пролетки.

Меркурий, красноносый, с полуседой бородой, в которую вмерзли сосульки и солома, стоял у входа в пегасню и принимал лошадей. Угодить ему было невозможно. Снисходительный и добрый во всем остальном, в том, что касалось пегов, Меркурий отличался исключительной требовательностью. Скрыть от него что-либо было нереально. Казалось, он видел спиной.

– А ты что. Пег весь. В мыле. Тебе его давали. Пролетать. А не загнать, – встречал он Фреду.

– Где твои глаза. Подпруги распушены. Тебе бы. По голове. Седлом. Поерзать... – говорил он Кириюше.

– А ты. Зачем. В деревья садился. Крылья. Хочешь. Поломать, – останавливал он Макара, сопровождая свои слова подзатыльником.

Макар втягивал голову в плечи.

– Видишь хлыст, – кипел Меркурий. – Если по чьей вине. Пег без крыла. Останется. Измочалю о спину. Перо еще, может, прощу. Но не. Крыло.

Макар не обижался, хотя обычно заводился из-за любой ерунды. В голосе Меркурия он ощущал правоту человека, стоящего на страже идеи. И эта идея была больше любой обиды. И стоила любого подзатыльника.

Внезапно почувствовав что-то спиной, Меркурий просунул голову в пегасню и заорал на Лару:

– Разгоряченной лошади. Овес.

– Так она сама мордой полезла!

– А ты. На что.

– Я думала: только поить нельзя. Остальное можно.

– Дуракам. Все. Можно. Умным. Много чего. Нельзя.

В этот момент Родион протащил мимо Меркурия тяжелый кусок гранита, собираясь навьючить его на Аскольда. Гранит был в спортивной сумке. Меркурий похлопал по сумке ладонью:

– Охранная. За первой грядой. Козырек. Оттуда. Отколупали.

Родион удивленно поскреб пальцами шею, не понимая, каким образом Меркурий смог определить свойства закладки через сумку. Ведь охранная закладка не отзывается так, как обычная.

– Хорош кусочек? – спросил Родион.

– Недурен. У базы их можно. Заложить. Ни одна боевая ведьма. На сто метров. Не сунется. А это что. Ледовики, – Меркурий кивнул на сумку-холодильник, которую нес Ул,

и снова безошибочно попал в точку, хотя тут было проще: что еще можно перевозить в сумке-холодильнике? Не мороженое же.

– Ледовики, – подтвердил Ул.

– Хорошая. Вещь. Ледовики, – одобрил Меркурий. – Если. Случайно. Не уронить.

Ул с Родионом переглянулись. Оба знали, что, если уронят сумку-холодильник, от пега-сни останется кучка кирпичей, а от них самих – подошвы. *Ледовики* – оружие капризное. Первошныры и те, увлекшись им поначалу, потом отказались с ним связываться.

– Кавалерия. Конечно. Не знает, – сказал Меркурий.

– Э-э... Ну тут дело такое... – начал Ул, соображая, что если Кавалерия что-то пронюхает, то будет скандал, потому что *ледовики* могли рвануть уже во время изготовления. А изготавливали их, между прочим, сегодня ночью на чердаке ШНыра!

Меркурий махнул рукой:

– Ладно. Но чтобы. В последний раз.

Ул с Родионом радостно закивали. Конечно в последний! А если уронят сумку, так и подавно следующих разов не будет.

Толкая хитрую Азу в живот кулаком, чтобы она не надувалась и позволила затянуть подпругу, Ул словоохотливо сообщил Сашке, что химическое оружие бывает парообразное, газообразное, аэрозольное (дым, туман), капельно-жидкое. По воздействию на человека: нервно-паралитическое (заман, зарин), кожно-нарывное, удушающее, общеядовитое, раздражающее.

– Э-э... А я тут при чем? – осторожно уточнил Сашка.

Ул немедленно отозвался, что конечно ни при чем. Но ты, чудо былиин, вслушайся в глубину текста! Это же реалистическая поэма! Порой, когда он, Ул, проходит *болото*, он твердит это про себя, и ему гораздо легче понимать, что происходит вокруг.

– Бредовый способ, – сказал Сашка.

– Все способы бредовые... Но меня это успокаивает. Типа, думаешь, все исчезнет в этом мире! А раз так – чего бояться?... Ну все, я готов! – Ул коротко выдохнул через нос. Похлопал Азу по холке. – Ну что, братия? Стартанули?

Ул с Родионом вскочили на пегов легко. Сашка же, одетый теплее обычного и оттого ощущавший себя неуклюжим, вскарабкался на Аскольда без всякого блеска. Стремя болталось у него на высоте солнечного сплетения – туда и ногу-то едва задерешь, особенно когда непрерывно приходится прыгать на второй, потому что помесь танка и паровоза не желает стоять на месте.

Еще Сашке здорово мешало, что кроме обычного снаряжения на Аскольде были котелок и две охранные закладки. Одна килограммов тридцать, другая даже больше. Разместить это так, чтобы не мешать крыльям пега и оставить место для всадника, оказалось непросто. Сашка пытался протестовать, но Ул заявил, что Азу перегружать нельзя (здесь Родион отвернулся и хихикнул), а Митридат и без того прилично нагружен. Так что хочешь не хочешь, а с закладками придется лететь Аскольду.

– Он же, чудо былиин, тяжеловоз! Так или не так? – спросил Ул бодро, точно рассчитывал, что Сашку зашкалит от счастья, что все летят на обычных пегах, а ему доверили едва ли не бомбовоз.

Ул и Родион тронули пегов, разогревая их перед взлетом, и Сашке осталось только последовать их примеру. Несколько минут спустя они уже летели, постепенно, чтобы не утомлять пегов, набирая высоту. Погода была весенняя. Зима рвалась точно обер-точная бумага. Под фиолетовыми облаками пробегали тучки, из которых лил дождь.

В верхних облаках было множество дыр. В них слитными колоннами пробивался солнечный свет. Он казался таким материальным, что Сашке хотелось его потрогать. Потом Аскольд врывался в дождь и становилось ничего не видно. Даже дышать и то приходилось через сомкнутые губы. Ворот свитера насасывал влагу как губка. Секунд тридцать слепого полета – и пег

вырывался из дождя в солнце. Удивительно, но перья пегя не промокали. И снова Сашку слепило, но уже не дождем, а солнцем.

Сашка держался за Родионом. Берсерков на гиелах было пока не видно, но Ул на Азе на всякий случай прикрывал их сверху, летая зигзагами. Сейчас только Сашка начинал понимать преимущества Азы. Аза была как ласточка, легкая и стремительная. Любой вираж был ей нипочем. Митридат... хм... ну он, пожалуй, орел. Мощный, с сильными крыльями, способный яростно ворваться в ведущий сквозь *болото* тоннель и разорвать паутину эльбов, но особой воздушной карусели ожидать от него нельзя. А вот с кем сравнить Аскольда? Сашка так и не отыскал точного сравнения. Но тут, видимо, лучше не искать прямых аналогий, а то очень быстро упрешься в грузового слона с пришитыми крылышками.

Наконец дождевые тучи пронесло. «Полосатый» дождь перестал. Сашка летел и мерз, испытывая сильное желание прижаться к шее Аскольда и согреться о нее. Шныровская куртка была сухой, такое уж уникальное свойство драконьей кожи, зато свитер под ней промок примерно до уровня груди. Это от дождя, который затек через ворот.

Сашка некоторое время сомневался, стоит ли это делать, но потом решил, что заболеть будет хуже, и использовал для просушки свитера *русалку*. Сразу стало теплее, хотя в ноздри ему и потянуло пережаренной шерстью. Видно, переборщил с просушкой.

Пока он сушился, Родион ухитрился оторваться и летел довольно далеко впереди. В полете он не оглядывался, считая, что не теряться – это забота Сашки. Лишь изредка Сашка слышал по *кентавру* его бормотание, да и то обращенное к Улу. Все время меняя высоту, они пытались отыскать воздушное течение, которое само несло бы их в нужную сторону.

Москву они пролетели через Сокольники и Преображенку. Крошечной свечой зажглось солнце в куполе храма. Тут же неподалеку засветилось маленькое озеро.

– На полутора летим. Ветер под крыло валит, – услышал Сашка в *кентавре* голос Родиона. – Ул, может, до двух поднимемся, там поищем?

Ул согласился, и они набрали еще метров пятьсот, упершись в плоскую, похожую на плиту тучу сизого цвета. Туча имела четкие нижние границы и практически за них не выходила, если не считать отдельных мелких ошметков, которые, отделяясь от нее, дрожали в воздухе. Туча была на вид такой плотной, что Сашка невольно втянул голову в плечи, боясь о нее удариться. Потом ему стало любопытно: что будет, если голова окажется в туче, а тело снаружи?

Вначале он попытался осторожно просунуть в тучу вытянутую руку, и когда рука уцелела, окунулся в нее головой. Туча была похожа на очень плотный туман. На лице оседала влага. Увлечшись, Сашка набрал высоту и на пеге врезался в тучу, тараня ее слежавшиеся бока крыльями пегя. Он опасался, что Аскольд испугается и начнет шарахаться, однако для страха тоже нужна фантазия, бомбовоз же был ее начисто лишен. Его мощные крылья буравили тучу, создавая позади спирали и закруты. Сашка забирал все выше. Вскоре он уже целиком находился в туче. Теперь ему хотелось другого – найти верхний край и высунуться из тучи головой так, чтобы они с пегом остались внутри и выглядывала бы только его голова.

Сверху туча была более расплывчатой, чем снизу. Неровной, бугрящейся как снег, с отдельными высокими горами и низинами. Несколько раз лицо Сашки выныривало из нее и сразу скрывалось. Тогда он поднялся еще выше и неосторожно задрал голову, проверяя, где солнце. Огромное, очень близкое солнце ударило ему в глаза. Ослепило. Сашка поневоле ослабил поводья и доверился пегу.

Когда зрение возвратилось, он спохватился, что давно не видел Ула и Родиона. Сашка круто нырнул в тучу, пронизал ее и стал озираться. Так и есть. Его спутников нигде не было, сколько Сашка ни искал их глазами.

Он заметался, не представляя, что ему делать. Можно было воспользоваться *кентавром*, но Сашка пока медлил, зная, что Родион обязательно будет издеваться. Да что там Родион! Весь

ШНыр! Не удержаться за ведущим в горизонтальном полете – это позорнее, чем в супермаркете потерять маму.

Поэтому Сашка отчаянно вертел головой, надеясь все же их отыскать. Когда он совсем отчаялся, далеко внизу, в разрывах туч, он увидел две крошечные, рядом держащиеся точки. Вот же они! Удивляясь, что Ул и Родион так сильно сбросили высоту, Сашка стал резко снижаться, стараясь только, чтобы Аскольд не перешел в пикирование. А то подумает еще, что они идут в нырок, потом не остановишь. Пригнувшись к седлу, Сашка падал сверху на Ула и Родиона. Он подумал, что занятно будет пронестись над ними, испугать, а потом резко развернуться у них перед носом.

Ветер бил ему в лицо. Слезающиеся глаза выдавали расплывчатую картинку. Ул и Родион, к которым он стремительно приближался, казались сверху какими-то пляшущими человечками. Сашка видел, как, не замечая его, они вертят головами, и попутно слабо удивлялся, что крылья у Азы и Митридата выглядят сверху темными. Надо же, как свет играет!

Внезапно Аскольд, до того снижавшийся с большим жаром, стал вскидывать морду и пытаться забрать в сторону. Сашка не дал ему это сделать, натянув поводья. Они резко теряли высоту. Крылья, к которым они приближались, увеличивались. Их очертания все больше напоминали летучих мышей. У пегов таких крыльев не бывает. Несколько мгновений Сашка упорно сопротивлялся, пытаясь подогнать реальность под то, что он считал реальностью.

Фигурки в седлах тоже становились больше. Сашка различал уже термокомбизоны, абсолютно непохожие на куртки шныров, и поблескивающие подковы закинутых за спины арбалетов. Берсерки! Вот осел! Вместо Родиона и Ула он пытался пристроиться к двум ведьмам! В последний момент один из берсерков задрал голову, уставившись на него. Сашке почудилось даже, что он видит, как берсерк в смертельном испуге разинул рот.

Останавливаться было уже поздно. Отворачивать тоже. Крылья у Аскольда были полуприжаты. Разогнавшийся как пуля, он стремительно обрушивался прямо на гиел. Действительно, какие тут арбалеты! Какие топоры! Сашка до боли закусил губу, закричал. Крик сразу снесло – он его даже не услышал. Продолжая беззвучно кричать, Сашка пронесся между берсерками, удивившись, что гиел разметало как осенние листья.

«Неужели задел? Вдруг крылья пегу переломал?» – мелькнула мысль.

Убежденный, что берсерки, пылая жаждой мести, уже гонятся за ним, он вскинул голову. Картинка, которую он увидел, отпечаталась в его сознании на всю жизнь. Одного из берсерков выбросило из седла, и он повис, застряв ногой в стремях. Гиела металась, летая кругами и сильно заваливаясь на один бок. Похоже, всадник, не осознавая, что делает, продолжал жалить ее электроповодьями. Другой берсерк, опомнившись, пытался направить свою гиелу вслед за Сашкой, но гиела упрямилась.

Параллельно Сашка, к удивлению своему, обнаружил, что мир трясется. Это он сам, не осознавая этого, всем телом наклонялся вперед и раскачивался. Ему казалось, что так он разворачивает Аскольда и толкает пегу к спасительному облаку. Откуда-то сбоку и сверху вынырнул Родион. Как петух наскочил мощной грудью Митридата на второго берсерка. Безжалостно сшиб его, и тот вместе с гиелой унесся куда-то, зачерпывая руками воздух и точно сам пытаясь лететь.

Потом Родион оказался прямо перед Сашкой. Что-то закричал. Замахал рукой, привлекая внимание. Сашка видел, как распаивается его рот, но почему-то голос Родиона звучал не изо рта, а со стороны вцепившейся в поводья Сашкиной руки. Ах да, *кентавр*!

– Лети за мной, дурила! Пегу выравнивай! Чего ты трясешься в седле? Расшибешься!

Сашка, опомнившись, перевел Аскольда в горизонтальный полет. Следуя за Родионом, он пронесся над самыми крышами, едва избежав столкновения с одинокой железной мачтой, к которой сходилась множество проводов. Выправился. Полетел за Родионом. Не жалея Мит-

ридата, Родион сердито и быстро набирал высоту, изредка переговариваясь о чем-то с Улом, которого Сашка сейчас не видел.

Они продолжали подниматься. Сашка угадывал высоту по возраставшему холоду и по тому, что все тяжелее становилось дышать. Лишь когда они пронизали первую, а за ней и вторую тучу, Сашка понял замысел Родиона и почему тот не жалел Митридата. Родион отрывался от возможной погони, но отрывался не уходом к ШНыру, а набором высоты.

Предельная высота полета пегга – пять-шесть километров. На шести километрах уже сложно лететь без кислородной маски. Шныр начинает задыхаться, а пег быстро устает – ведь ему тоже нужно дышать. Гиелы же те вообще редко поднимаются выше трех. Не любят высоты. Поэтому с трех километров до шести – царство пегга. Ведьмарей здесь редко когда встретишь.

Наконец откуда-то вынырнул Ул и, часто оглядываясь, чтобы убедиться, что они его видят, пристроился впереди. Замахал рукой, показывая, что довольно, больше подниматься не нужно. Сашка пролетел еще немного, а потом летящего впереди Ула подхватило и, как невесомую бумажку, отшвырнуло сразу метров на пятьдесят. Сашка увидел, как, едва усидев в седле, Ул с усилием разворачивает Азу. Потом точно так же, но уже чуть мягче, потому что он был уже готов, подхватило и отбросило Родиона.

Пока Сашка соображал, что случилось, то же самое произошло и с ним. Налетевший откуда-то ветер ударил Аскольда под правое крыло. Пегга развернуло, поставив почти перпендикулярно земле. И сразу же отбросило, как прежде Ула и Родиона. Правая нога Сашки выскользнула из стремени. Он попытался удержаться, но ощутил, что заваливается все сильнее и сильнее. Еще немного – и он повиснет, как тот берсерк, если вовсе не вылетит из седла. Сашка отчаянно замахал руками и в последний момент сумел вцепиться в одну из сумок. Это помогло ему удержаться. Он вернулся в седло. К тому времени Аскольд уже самостоятельно развернулся крыльями по ветру. Вокруг что-то выло, гудело. Попутное воздушное течение! Вот что они искали и наконец обнаружили!

Аскольд неся в воздушном потоке, следуя за Улом и Родионом, которые были уже далеко впереди. Скорость потока была так высока, что Аскольд почти не двигал крыльями. Разбросал их и планировал, изредка делая несколько точных и коротких взмахов, чтобы подправить полет.

Холод был жуткий. Виски сковало точно обручем. Торчащие из-под шапки волосы звенели. Влага на куртке превратилась в лед. Окажись тут Рина с ее образным воображением, она назвала бы Сашку «ледяным человечком». Перья пегга снаружи тоже покрылись льдом, но он был тонок, не держался и соскальзывал крошечными брызгами. Видно, сама форма пера как-то препятствовала обледенению. Какое же все-таки продуманное и совершенное существо – пег!

Летели они очень долго. Так долго, что солнце начало выцветать и выцвело в вечер. Ревущий ветер покачивал Сашку как куклу. Убаюкивал. Выдувал все мысли. Он уже не знал, ни куда летит, ни зачем летит, ни летит ли вообще. В нем все вымерзло. Все размылось.

Изредка Сашка закрывал глаза и позволял себе на одну-две секунды уснуть. Потом толчком просыпался. Поначалу ему еще смутно хотелось, чтобы полет скорее прекратился, но потом и это желание исчезло. Он скорее удивился и даже воспротивился, когда, прорезая вечер, точно загустевший кисель, впереди него возник Ул, замедливший полет Азы, и как мельница замахал руками.

Несколько секунд Сашка непонимающе таращился на Ула, а потом, очнувшись, направил Аскольда в сторону и вниз. Тяжелый пег неохотно вышел из ревающего потока и стал снижаться.

Внизу редкими островками, похожими на плохо выбритую щетину, толпились деревца, а между ними – снег, снег, снег. В снег они и сели. Потом долго брели пешком, ведя пегов за собой. Было сыро и противно. Пегги фыркали, упрямились. Аскольд то и дело останавливался и стоял как ослик, сильно откинувшись назад и расставив передние ноги. Не сложенные

до конца крылья со встопорщенными перьями висели по сторонам какими-то непонятными одеялами, прикрывавшими сумки с закладками. Аза тоже капризничала.

Родион искал место для ночлега. Наконец они зашли в лесок. На оттаявшем склоне развели костер. Нарубили елок, мигом соорудив навес. Теплый воздух от костра попадал под него, бродил и, отыскивая щели, просачивался наружу. Быстро стало тепло, даже почти жарко. Пеги, стреноженные и с подвязанными крыльями, ходили у ручья, в низине.

Внезапно Родион устался на Сашку и задиристо ткнул его кулаком в плечо. Не понимая, что он сделал не так, Сашка отодвинулся спиной к жару костра. Заблудившаяся искра пчелой укусила его за шею. Родион опять ткнул его и засмеялся. Смех его был страшным, лающим. Казалось, он кашляет и одновременно веселится.

– Нет, ты видел этого вот! – крикнул он Улу. – Ты посмотри... посмотри! Я из тучи выхожу... гляжу, он головой вертит, меня не замечает... Я к нему. А тут он вдруг решил и вниз куда-то валится... Я думаю: что такое? В нырок, что ли, пошел? Да нет, не похоже! Увязался за ним. А там два ведьмаря на гиелах. Он пометался-пометался, да прямо между ними и свалился. Они скорее в стороны. Одного аж из седла выбросило! Еще бы – пикирующий пег! Такое в страшном сне не привидится!

– Я их за вас принял, – буркнул Сашка.

– Да это ясно, что не за себя, чудо былиин! – согласился Ул. – А знаешь, почему их разметало? У тебя ж две закладки на седле были! Дикая силища!.. А вообще с боевым крещением тебя! Хотя это не крещение еще... Крещение – это когда в первый раз в передрыгу попадешь и потом в строй вернешься.

Родион перестал кашлять смехом и повернул к Улу лицо. В строгих его глазах плясали два одинаковых костра.

– Это да, – сказал он. – В строй. Вроде, смотришь, смелый шныр, ныряет, достает что-то. А один раз собьют его, расшибется, пега потеряет – узнает страх. Тут у некоторых такая тряска начинается – в седло не могут сесть. Или сядут, на метр поднимутся – и назад. Перемыкает человека. Перед нырками вообще неконтролируемый ужас начинается. Многие после таких случаев летать бросали. Взять того же Вадюшу... Да не только его!

Сашка кивнул. Он помнил Вадюшу и то, с каким ужасом тот просто прикасался к пегам. Хотя когда-то, говорят, неплохо держался в седле и результативно нырял.

Потом они забрались под навес и попытались уснуть. Сашка долго ворочался. Одному его боку, ближе к костру, было жарко. Другому – холодно. Частичное поджаривание наряду с частичным замерзанием заставляло Сашку все время вертеться. Родион и Ул, кашляя от дыма, который регулярно задувало в шалаш, ругали Сашку и толкали его локтями.

– Еще раз повернешься ко мне – я тебя пристрелю! – предупредил Родион.

– А ко мне повернешься – я тебя зарублю саперкой! Ты меня только что ботинком пнул! – пообещал Ул.

Сашка задумался, в какую сторону ему поворачиваться и что лучше: быть пристреленным или зарубленным, но так и не додумал эту мысль до конца. Усталость прошедшего дня мягко ткнула его по затылку и погрузила в сон.

Ул с Родионом тоже уснули. Улу снилось что-то сугубо реалистическое. Кажется, он чистил во сне Азу или спорил с Кузепычем, который чего-то ему не давал. Сашке снились пельмени, которые прыгали и водили хороводы. Наверное, он просто был голодный.

В самый приятный момент сна, когда Сашка почти подкрался к какому-то зазевавшемуся пельменю, его разбудил крик Ула. Ул вопил, что отвязался Митридат и надо его ловить. Митридата поймали, но заснуть уже никому не удалось. Было слишком холодно. Родион вылез из шалаша и стал угрюмо раздувать угли. Ул и Сашка уже возились с котелком, наполняя его снегом, чтобы растопить его и вскипятить чай.

– Мы далеко от Екатеринбурга? – спросил Сашка.

Ул пальцем прочертил на снегу нечто вроде карты:

– На полпути. Ничего. Сейчас дело шустрее пойдет. На двух электричках доберемся!

Сашка знал, что «электричками» Ул называет попутные воздушные течения. На другой день, сменив две «электрички», они добрались до Екатеринбурга.

По дороге Ул с Родионом тайком от Сашки посовещались и пришли к выводу, что пеги вымотались. Брать их в город и подставлять под свежих гиел лучшей четверки Гая не имеет смысла. Да и Сашку тоже не стоит подвергать опасности.

Километрах в тридцати от Екатеринбурга они отыскивали стоящий на отшибе дом. То, что он заброшен, было очевидно по провалившейся крыше пристройки и глубокому, без единой ведущей к нему дорожки снегу. В доме этом разместили Сашку, а в сарае возле него всех трех пегов. Тут же был и колодец, а овес предусмотрительный Ул взял с собой. Причем хорошо взял, с запасом.

Часа два они сидели у пропускавшей дым печки, грелись и ели ножами консервы из банок. Отогревшись, Ул и Родион стали деловито собираться.

– И долго мне вас ждать? – хмуро спросил Сашка.

– Кто ж его знает, чудо былиин! Как дело пойдет! Если меня убьют, я тебе позвоню! – сказал Ул.

– Аналогично, – отозвался Родион, с восхитительной небрежностью перекидывая через плечо сумку-холодильник с *ледовиками*. – Ты, главное, Митридата подальше от Аскольда держи! Он его уже второй день за крыло тяпнуть пытается... Мощный конь, но подловатый. Я давно к нему присматриваюсь!

Таща с собой тяжеленные закладки, оба шныра по глубокой заснеженной низине спустились к шоссе, поймали попутку и уехали в город.

Глава пятая

Родя он!

В жизни никогда не бывает так хорошо, как ожидаешь, и так страшно, как боишься.

Йозеф Эметс

Спустя сутки после расставания с Сашкой Ул и Родион сидели в одной из самых дешевых гостиниц города Екатеринбурга. Оба старших шныра были заняты делом. Родион варил яйцо в столовой ложке, держа ее над зажигалкой. Ул стирал носки в графине, напустив в него шампуня.

– Ишь как ишшмыгались дорогой!.. Вообще надо бы тазик! А то, чудо былиин, вся культура во мне чешется! – с сожалением сказал Ул.

Родион случайно коснулся пальцем раскаленной части ложки. Скривился.

– Где ж его взять – тазик-то? – спросил он.

– В том-то и дело, что негде. Опять же в графин я налил газировку, – продолжал рассуждать Ул. – Наполнять же газировкой целый таз... я не Альберт Долбушин, чтобы так транжирить!

В качестве добровольной стиральной машины встряхивая графин с носками, Ул подошел к окну. На подоконнике на всякий случай лежали два заряженных шнеппера и саперка. Отодвинув штору, Ул выглянул наружу. Вот она, главная база ведьмарей! Находится в недостроенной телевышке. Страшная, прямая как карандаш башня, чем-то похожая на маяк. Отовсюду видна, из любой части города. Сверху торчат железные штыри. Говорят, с этой башни то и дело прыгают самоубийцы.

Родион убрал палец от разогревшейся зажигалки, позволяя ей остыть.

– Отодвинься-ка от окошка! От греха подальше. А то не ровен час шарахнут через стекло! – посоветовал он Улу.

– Навряд ли шарахнут. Не видно им ничего. Стекло бликует, – возразил Ул, но от окна все же отошел.

Постирав носки в графине, Ул прополоскал их под струей в раковине, после чего высушил феном, который поочередно засовывал внутрь каждого носка, любясь тем, как носок надувается.

– Ну все, – сказал он Родиону. – Теперь у меня какое предложение? Дадим храпунца минут так на триста, а на рассвете навестим ведьмариков. Не встречал еще ни одной их боевой четверки, которая ухитрилась бы продежурить всю ночь.

Родион кивнул. Он знал это не хуже Ула. Берсерки – еще куда ни шло, а вот у боевых ведьм с дисциплиной худо. До двух или трех ночи они обычно полны сил, носятся, вопят, куда-то едут, во что-то ввязываются и, ссорясь, подливают друг другу в чай цианистый калий, вызывающий у них, увы, лишь расстройство пищеварения. Часам же к четырем утра они обычно приходят к выводу, что неплохо бы немного вздремнуть, и длится это «немного» обычно до середины следующего дня.

До того как заселиться в гостиницу, Ул с Родионом уже провели в Екатеринбурге немало времени. Изучали обстановку. Старались не светиться. «На мягких лапках», как говорила Кавалерия. С ведьмарами пока лицом к лицу не сталкивались, и было непонятно, знают ли те вообще, что шныры в городе.

По Екатеринбургу их водила девушка Тоня – огненно-рыжая и такая зашкаливающе громкая, что ей разрешали разговаривать только шепотом, потому что при любом другом раскладе все вокруг глохли. Когда два года назад за Тоней прилетела золотая пчела, Тоня опши-

кала ее дихлофосом. Вроде бы не самое страшное, но в сознании у пчелы что-то помутилось, и, когда некоторое время спустя Тоню попытались доставить в ШНыр, оказалось, что ограда ее не пропускает.

Одна попытка, другая, третья. Безрезультатно. Причем не только Тоня не могла проникнуть через ограду, но и ее пчела. Шевелила усиками, крутилась вокруг своей оси – и назад. Кавалерия вообще не верила, что такое возможно. Ведь что только шныры-новички не делали с пчелами! И в раскаленном металле топили, и кузнечным молотом плющили – и ничего. А тут какой-то там дихлофос! Однако факт есть факт – ограда Тоню не пропустила, хотя Тоня и рвалась в ШНыр как только могла.

Родной город Тоня знала блестяще, но общаться с ней было непросто. И не только потому, что Тоня кричала. У нее было клиповое сознание телевизионщицы. Возле сделанного дела где-то ставилась невидимая галочка, и дело мгновенно вычеркивалось из памяти.

– Где выставка-продажа камней? – спрашивал у нее Ул.

– Какая? – удивлялась Тоня.

– Здрасьте-подвинься! Ты сама нам утром показывала!

– Я показывала?

– Там рядом храм еще такой треугольником!

– Ну да! Имеется такой! – спохватывалась Тоня, и в сознании у нее вспыхивало новое дело, ожидавшее своей галочки.

Крайняя робость сочеталась у Тони с такой же крайней отвагой. Мужчин и маньяков она боялась, смешивая эти понятия, и легко могла шарахнуться от безобидного пьянчужки, который стоял за березой потому только, что без березы сразу упал бы. Тоне же мерещилось невесть что. При этом ей ничего не стоило перейти дорогу в трех сантиметрах от мчащейся машины, вытащить у рычащей собаки из пасти кость или встрять в экстремальную перепалку в маршрутке.

Упрямство быстро переходило у Тони в уступчивость. Поначалу она была решительно против чего бы то ни было, но потом сдавалась.

– Я не любительница по заброшкам лазить. Нет, нет и еще раз нет! – говорила она с суровостью педагога из старого советского фильма. – Но, если вы хотите, тут недалеко есть дом, из которого все просматривается!

Они шли в недостроенный дом, и Тоня поднималась по лестнице на десятый этаж, лихо петляя между ржавыми корытами с засохшим цементным раствором. Некоторое время Ул с Родионом стояли у окна, пытаясь запомнить расположение улиц абсолютно нового для них города, после чего Тоня не менее решительно заявляла:

– Я не любительница обедать в общепите, но, если вы хотите, здесь рядом имеется недорогая столовая. Там каждое третье блюдо бесплатно, если в заказе есть вчерашняя котлета.

Вечером, проводив Ула и Родиона, Тоня распрощалась с ними за сто метров от гостиницы – на случай, если они все же маньяки. Шныры – да, но мало ли у кого какие внеслужебные увлечения.

– Уезжаешь? – спросил Ул.

Тоня мелко закивала, как игрушечный слоник с головой на пружинке. Ей надо было ехать за город на последней маршрутке. Дома ее ждала мама, до того звонившая по телефону каждые десять минут и спрашивающая звенящим шепотом, слышным на другой стороне улицы: «Тоня!!! Ты жива? Тебя не убили?» – «Пока нет!» – строго отвечала Тоня. «Но ты мне звони!» – «Хорошо!»

Тоня уже уходила, когда Ул, придержав ее за локоть, негромко спросил:

– Вопрос можно? Весь день сегодня на языке вертелось. Сколько баллончиков ты на нее извела?

– На пчелу? – сразу поняла Тоня.

– На пчелу.

– Пять... В магазин все время бегала.

Ул, кивнув, утешающе похлопал ее по плечу:

– Ну, по барабаниусу! Все будет хорошо!

– Разумеется, будет! – сурово ответила Тоня и снова стала отвечать волнующейся маме, задающей все те же нехитрые вопросы.

Закончив возню с носками, Ул умело подремонтировал шилом и леской отпоротившийся рукав шныровской куртки и лег спать. Заснул он мгновенно. Во сне смешно всхрапывал и говорил кому-то: «Низзя! Сгинь! Это не тебе!» Скорее всего, воспитывал Азу.

Родиону не спалось. Круглая, повисшая прямо над башней ведьмарей луна тревожила его. Дважды он вставал и задергивал шторы, но луна светила и сквозь них. Родион ворочался, пытался накрывать голову подушкой, отворачивался к стене. Ничего не помогало. Хитрая луна все равно давила.

Родион вскочил, сорвал штору. По стеклу, прямо напротив луны, ползала пчела. Он не выдержал и прицелился в нее из шнеппера, одновременно прицелившись и в луну.

– Почему ты еще жива? Сдохла бы ты наконец! – сказал он в сердцах, и непонятно было, сказал он это пчеле или луне.

Пчела покрутилась на лунном диске, медно отливая брюшком, и доверчиво перелетела на шнеппер. Родион сердито сдул ее, сунул шнеппер в сумку и, не будя Ула, стал собираться. Открыл холодильник, достал два *ледовика* и осторожно переложил их в пакет, чтобы взять с собой.

«Ничего, сегодня холодно. Растаять не успеют», – прикинул он. Обуваясь в темноте, ушиб пальцы об одну из охранных закладок, которые им предстояло заложить на рассвете. Поморщился. Присел, ощупывая пальцы, и зачем-то выругал берсерков, будто именно они были виноваты в том, что он не смотрит себе под ноги.

Если бы удалось заложить закладки рядом с башней ведьмарей! Внешне легкая, задача на самом деле таковой не являлась. Спрятать охранную закладку так, чтобы берсерки не смогли от нее быстро избавиться, – непросто. Идеальный вариант – замуровать закладку в фундамент, но это получается редко. Гораздо чаще приходится импровизировать и что-то изобретать.

Спотыкаясь в тесном коридоре, Родион вышел из номера. Лифт вызывать не стал, спустился по лестнице. Толкнул дверь. Вышел на улицу. Было холодно. Возле гостиницы темными кучами лежал снег. На единственной абсолютно чистой машине помадой было написано «Не хвастайся!». На остальных, грязных машинах надписей не было.

Вскинув лицо вверх, Родион посмотрел на сизое небо, и на него ножом гильотины свалилась безнадежность. В глазах зажглась волчья тоска. Захотелось вытащить саперку, выстрелить в самого себя пнуфом и отправиться в Арктику, чтобы крошить там берсерков и пасть в неравном бою.

Скверно, очень скверно было Родиону все эти последние недели. ШНыр казался ему тесным как тюрьма, а предстоящая жизнь длинной, серой, бесконечной. Надоевшее Подмосковье, невзрачный забор, мокрый парк, знакомый до последнего дерева, блочный дом с отслоившейся, покрытой пятнами грибка штукатуркой, нахохленные галки на проводах – все это казалось Родиону невыносимым.

Ну хорошо. Не нравится – всегда можно уйти. Но куда? В бабушкину квартирку на Парковой улице, где до сих пор стоит ее аккуратный диванчик и сохнут на окнах цветы? Найти работу на складе, обзавестись быстро тучнеющими друзьями и слушать рассказы, сколько они вчера выпили и как им после этого было плохо? Нет, в такой среде он задохнется! Тогда, может, перейти на сторону ведьмарей и, устроив пир во время чумы, выжечь себя псиосом?

Эх, если бы не *двушка*, если бы не Вторая грядя, за которую так мучительно хотелось прорваться! Если бы человек был тленен и смертен – как бы Родион тогда оторвался, как бы

пожил для себя! Ничего и никого бы не пожалел! Полыхнул бы как звезда! А сейчас нельзя! Терпи, шныр! Живи и терпи!

Думая об этом и терзая себя, Родион шел вдоль дороги, держа направление на недостроенную телевышку. Ему хотелось разглядеть ее поближе, прикинуть, где на рассвете можно затаить охранные закладки.

Ночной Екатеринбург был городом странным, с загадочной, неправильной геометрией. Привычная геометрия утверждает, что чем усерднее приближаешься к какой-либо точке, тем ближе от нее оказываешься. Тут же все происходило с точностью до наоборот. Вроде бы Родион честно двигался к вышке, но, вынужденный все время что-либо огибать, оказывался от нее все дальше и дальше. Неожиданно он уткнулся в стадион. Несмотря на ночь, там горели все прожекторы и тепло укутанные, казавшиеся толстыми футболисты, разминаясь, бегали цепочкой. На зелени искусственного покрытия горошинами из лопнувшего стручка рассыпались одинаковые мячи.

Родион постоял у стадиона, наудачу повернул и оказался у длинного дома. Здесь с ним произошла необъяснимая вещь. Он вдруг напрягся как собака-ищейка, и даже ноздри его хищно раздулись. Сердце знакомо забилося, как это бывало только за Первой грядой. Прямо перед ним через равные интервалы лежали крупные фрагменты горных пород и оплавленные подземным жаром слитки металлов.

Родиону почудилось, что все это с *двушки*. Но почему здесь и лежат открыто? Что-то не стыковалось. Родион перебежал дорогу, ухитрившись дважды споткнуться на ровном месте, и выскочил к камням. Он испытывал суеверный страх и одновременно радость.

Не помня о берсерках, которые легко могли стеречь такое сокровище, он стал гладить камни и слитки так, как пожилая женщина ласкала бы своего любимого кота. При мигающих равномерных вспышках желтого ночного светофора Родион поочередно ощупывал все камни, проверяя, не полыхнет ли где внутри закладка. Увы, ни камни, ни железные руды закладками не отзывались, однако радостное возбуждение не покидало Родиона.

Его *нерп*, казалось, была такого же мнения. Отдельные фигурки на ней тихо и тепло мерцали, точно огоньки новогодней елки, когда глазами ребенка смотришь в темной комнате из-под одеяла. Вот зажегся *кентавр*, вот вспыхнул и погас *сирин*. Остаточно, слабо, даже для зарядки не хватит, но все же...

Постепенно перемещаясь от камня к камню, Родион обогнул дом. Тут что-то заставило его задрать голову и прочитать буквы над застекленным крыльцом. Это был геологический музей при горном университете. Так вот откуда здесь все эти образцы!

Радость Родиона начала погасать, но не погасла.

Нерп! Почему она отзывалась?

Где-то рядом коротко просигналили. Родион повернулся. Метрах в пяти от него, через газон, остановился неприметный синий «Логан». На крыше машины горели шашечки такси. Водитель, приспустив стекло, подзывал его к себе.

Глава шестая

Пнуйцы

Рыбы не подозревают, что на свете существует вода, поскольку не мыслят своей жизни вне воды. Им просто не с чем сравнивать. И лишь пойманные сетью и вытасканные на берег, осознают, что вода все же была. И вот они корчатся, бьют хвостом, пытаясь вернуться в воду.

Человек часто не знает, что есть Бог, потому что всегда существовал в Боге. И лишь теряя Бога, он мучительно ощущает, что что-то не так, и начинает Его искать.

Кавалерия

Родион осторожно приблизился. Голова шофера имела форму груши. Интеллектуально скромная в висках, книзу она расширялась и украшалась такими мощными челюстными мышцами, что любой пес, скуля, спрятался бы под диван.

– Ехать будем? – спросил водитель.

Родион быстро прикинул варианты. До рассвета уже недолго. Башню он так и не осмотрел. В городе заблудился. Самое правильное сейчас – вернуться в гостиницу за Улом. Но и гостиницу он один не найдет. Правда, лицо водителя внушало некоторые опасения, но Родион потому и был Родионом, что чаще всего действовал вопреки чувству самосохранения.

– Почему нет? Поехали! – сказал Родион и протиснулся в темный салон машины, на сиденье рядом с водительским. Под ним оказалось что-то холодное.

– Прошу прощения, парень... – прогудел водитель. – Я тут это... деревяшку не убрал. Привстань-ка!

Родион привстал. То холодное, на что он сел, оказалось бейсбольной битой. Аккуратненькой такой, среднего рабочего размера. Родион быстро обернулся, проверяя, нет ли кого на заднем сиденье. Нет, пусто.

– Что-то не так, сынок? – ласково спросил обладатель бульдожьих челюстей.

– Да нет, все так... Вы, случайно, не от Тилля? – ляпнул Родион, незаметно подползая пальцами к карману со шнеппером.

Водитель ответил не сразу. Видимо, пытался понять вопрос.

– Не, я не от фирмы работаю. Улицы темные, на дорогах всякое бывает... – простодушно сказал он, и его тяжелые челюсти приветливо клацнули.

Родион расслабил руку.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Дядя Сережа.

– А я дядя Родион!

– Ну поехали покатаемся, дядя Родион! – просто сказал дядя Сережа.

«Логан» тронулся и начал быстро набирать скорость. Родион внезапно спохватился, что так и не назвал места, куда его везти. И про цену они не договорились. Странновато как-то для таксиста. Его рука еще металась между *нерпью* и шнеппером, когда дядя Сережа, успевший разогнать машину, без предупреждения ударил по тормозам. «Логан» встал как вкопанный.

Родиона, так и не успевшего пристегнуться, дернуло вперед. Он влетел головой в лобовое стекло и успел еще увидеть на нем круглый, из многих трещин состоящий след от своей макушки. Все же сознание он не потерял. Отброшенный назад, стал приподниматься, но тут дядя Сережа, ласково сказав «Отдохни, сынок!», несильно ткнул его по затылку средней частью биты.

Наступила ночь. В черепном домике у Родиона погасили свет.

Когда он очнулся, то обнаружил, что сидит на земле, косо прислоненный спиной к дереву, за ствол которого были заведены его руки. Рядом с ним стояли трое мужчин. Один из них был знакомый водитель «Логана» с тяжелыми челюстями. Двое других – спортивные, быстрые в движениях парни лет по двадцать пять. Не пытаясь приподняться, так как голова сильно кружилась, Родион попытался добраться до кармана, но обнаружил, что не может двигать руками. В запястья что-то вгрызалось, сковывая руки за спиной. Родион пошевелил пальцами. Он чувствовал, что *нельзя* на нем, но дотянуться до ее фигурок не было ни малейшей возможности.

Заметив, что пленник пришел в себя, водитель «Логана» присел с ним рядом на корточки. Его лицо было очень сочувственным:

– Очухался, друг? Узнал меня?

– ...дядя Сережа, – сказал Родион.

– Правильно! Дядя Сережа. А это Лешик и Кузя... За наручники не обижайся! С ними как-то понадежнее. Нам от тебя фокусов не надо.

Родион что-то прохрипел, лишая себя радости знакомства с Лешиком и Кузей. Параллельно он попытался определить, не сняли ли с него ботинки, где в правом каблуке был припрятан узкий нож штопорной формы, зажимавшийся в ладони как кастет. Имелось еще и несколько сугубо шныровских штучек, но уже не в каблуке, а за спиной, с обратной стороны ремня. Метательные иглы вещь хорошая, но при скованных руках ими не воспользоваться. Лучше подойдет небольшая герметично закрытая капсула.

Если сдавить ее достаточно сильно, капсула лопнет. Вода из источника, некогда набранная в Межгрядье, попадет на хлопчатую ткань, пропитанную слизью эльбов. Хорошо так полыхнет. Если не на треть города, то уж на весь этот сквер точно. Десятиминутная слепота всякому, кто вовремя не закроет глаза, обеспечена. И не только слепота. Некоторое время Лешик, дядя Сережа и Кузя будут очень не дружить с реальностью. Когда же они обретут способность двигаться, Родиона здесь уже не будет. Если он, конечно, успеет освободиться от наручников.

До каблука незаметно не дотянуться, а вот до ремня пожалуй, но пока эти трое на него смотрят – нереально.

– Откуда ты знаешь про Тилля? Ты ведьмаре? – спросил один из парней.

Родион заторможенно задумался: кто он, этот парень? Лешик или Кузя? Может, Лешик. А может, и не Лешик. Тогда Кузя.

– Так ведьмаре? – терпеливо повторил парень.

Родион прохрипел, что нет. Одновременно он соображал, почему вообще был задан такой вопрос. Сами ведьмари никогда не называют себя ведьмарами. Это все равно что немцы в сорок первом году, ворвавшись в дом, заорали бы: «Фрицы в хате есть?»

– Эх, Кузя-Кузя! Конечно, не ведьмаре он! – сказал дядя Сережа. – Это ж ежу понятно, что шнырь!.. Спасибо, я его из машины заприметил, когда он у камней вертелся. Что, думаю, вертится? Неспроста это. А когда он про Тилля заговорил – тут уж я точно все понял.

Один из парней виновато вытер рукой нос, и Родион, во-первых, понял, что это Кузя и есть, а во-вторых, увидел, какие набитые у него костяшки. Сразу понятно, как человек проводит свой день. Утром качалка – вечером груша. Или: утром груша – вечером качалка.

Родион пальцами попытался дотянуться до ремня. Вот он! Прямо под пальцами, очень близко, но мешает куртка. Не дотянуться. Эх, встать бы! Но эти трое сразу что-то заподозрят. Ребята ушлые.

– Не шнырь, – поправил Родион. – Шныр.

– А какая нам разница, а, шнырь? Думаешь, оттого, что ты шнырь, бить тебя будут меньше? – с вызовом спросил дядя Сережа.

Родион посмотрел на борцовские запястья дяди Сережи. В сочетании с набитыми костяшками его друга Кузи знающему человеку они многое объясняли.

– Венды? – спросил Родион.

– Пнуйцы! – щепетильно поправил дядя Сережа.

Пнуйцы были ответвлением вендов. Такими же, как мстюны, антимаги и антивсеги. Разница между ними была небольшой, но существенной. Мстюны били только тех, кто неуважительно отзывался о родоначальнице движения вендов Женьке Шмяке. Не любишь Женьку – вот тебе! Антимаги били только магов. Антивсеги били всех подряд, кроме шныров. Пнуйцы же были самой дикой и анархической разновидностью вендов. Они били и шныров тоже.

– Знаешь, шнырь, девиз пнуйцев? «За одного битого двух небитых дают!»! – с вызовом произнес Лешик.

От Кузи он отличался более длинными руками и носом со следами перелома.

– Правильный девиз! – похвалил Родион. – Особенно приятно, что ты его выучил! Долго учить пришлось?

Лешик секунд пять усердно думал, после чего, разобравшись, что над ним издеваются, двинулся к Родиону. Тот, готовясь его встретить, неприметно подтянул к груди ногу.

Дядя Сережа, примирительно сопя, двинулся между ними.

– Не надо, Лешик... И ты, шнырь, тоже... Не ерепенься! Успеется еще зубами помусорить! – сказал он и, протянув руку, ощупал Родиону макушку. – Кость вроде целая, – сказал он заботливо. – Порезиков тоже нету. А ведь стекло мне едва не пробил!.. Давно я замечаю, что головешки – они сверху крепкие. Будем говорить – сплошная кость!

Родион едва не брякнул, у кого голова сплошная кость. Но сдержался. Он не хотел, чтобы его опять били. Во всяком случае, до тех пор, пока руки у него скованы.

Небо едва начинало сереть. Похоже, с того момента, как его перехватили у музея, прошло не более получаса. И еще Родион заметил, что недостроенная телевышка находится отсюда совсем недалеко. Он отчетливо видел ее всю, начиная почти от основания.

– Мы ведь, парень, чего хотим? Чего в вашу жизнь лезем? – проникновенно продолжал дядя Сережа. – Шныри, ведьмари – вы все вроде как особенные. Одни летают не пойми куда, приносят чудеса всякие. Я уж там не вникаю. У других машины дорогие, деньги, волшебство, девочки. А нам, простым ребятам, это обидно. Вот ему, Лешику, обидно. И Кузе тоже обидно. Да, Кузя?

Кузя пригорюнился. Чувствовалось, что только уважение к дяде Сереже мешает ему обидеться окончательно и долго-долго пинать Родиона ногами.

– Потому что простого человека – его ведь тоже защищать надо! Если его не защитить, простого человека, то кто же его, простого человека, защитит? Вот мы и решили вас бить, чтобы справедливость была! – с надрывом сказал дядя Сережа. – Правильно я говорю или неправильно?

Кузя и Лешик закивали. На дядю Сережу они смотрели с благоговением. Чувствовалось, что среди местных пнуйцев дядя Сережа – выдающийся оратор, если не глава движения.

Родион не перебивал дядю Сережу. Он понимал, что, пока дядя Сережа работает языком, он не работает руками, и это хорошо. Дядя Сережа между тем увлекался все сильнее. Он больше не сидел на корточках, а стоял и жестикулировал, вздымая руки к небесам и словно выговаривая им за то, что он, дядя Сережа, не шнырь и не ведьмари. Нету у него магии, и машина у него не «Лексус», а между тем и золоченые шмели за ним не прилетают, и прочие радостные чудеса в жизнь его не вторгаются.

Родион, как ни трещала у него голова, слушал внимательно. Почему-то дядя Сережа ненависти у него не вызывал, даже почти ему нравился. В словах дяди Сережи было столько искренней убежденности, что Родион и сам почти уверился, что шныры – зло и главное, что с этим злом можно и нужно делать, – это его бить. Потому что если не бить, то простому человеку обидно – а защищать-то его надо? Простого-то человека!

– Надо, надо! Обязательно надо! – поддакнул Родион.

Лешик и Кузя разом уставились на него, взвешивая, не содержит ли слово «надо» какой-либо обиды простому человеку, которая позволит им наконец распустить руки.

Родион напряг мышцы, проверяя, насколько слушается тело. Тело-то слушалось, но голова продолжала кружиться, да и наручники мешали. Эх, дотянуться бы до ремня! Родион опасался, что если сейчас начнет проявлять излишнюю активность, то в самый ответственный момент его поведет и защитники простых людей вмиг раскатают его по асфальту.

Дядя Сережа несильно пнул Родиона ногой:

– Эй, шнырь, ты как-то отвлекся! Сюда слушай, ушами!.. Видит простой человек, что мы вас бьем, и не так ему обидно жить на свете!.. Потому и сегодня бить тебя мы будем долго, чтобы больше ни один шнырь в наш город не сунулся!

То, что в финале его будут бить, для Родиона тайной не являлось. Какие бы мысли ни посещали пнуйцев, вывод они всегда делали один.

– А ведьмарей-то вы бьете? – спросил он.

Кузя и Лешик застенчиво заулыбались.

– Как же не бить? – любовно глядя на своих молодцов, сказал дядя Сережа. – Хлопцы вчера берика возле торгового центра поймали! Здоровенный такой лось! Все пытался до топора добраться. А на днях делмэна у «Высоцкого»² подстерегли. Уж мы защищали, защищали простого человека!.. Хлопцы-то больше кулаками, а я человек уже неновый, мне суставы беречь надо. Так я, грешным делом, биту себе завел. «Вразумлятор» называется.

Родион с его битой был уже знаком.

– И что делмэн? – спросил он.

– Уехал делмэн на «Скорой» в больничке лежать... Горячий был, все вернуться грозился! – ласково сказал дядя Сережа. – Подлечится, так вернется. Да только я думаю, что смелости у него поубавилось, так что теперь другого пришлют.

«Делмэнами» пнуйцы называли деловых людей, приписанных к форту Долбушина, которых Гай отправлял в разные города России для открытия новых баз ведьмарей. Магией делмэны не обладали, за закладками не охотились, личинок в себе не взращивали, на псиосе не сидели. Честолюбивые, жесткие, трезвомыслящие, умевшие унюхать свою выгоду через бетонную стену и через эту же стену ее и выцарапать, снабженные крупными суммами денег, делмэны решали для ведьмарей вопросы сугубо практические: покупали здания, оборудовали их, устраивали базы снабжения, приобретали транспорт. Лишь когда все было готово, прибывали берсерки, служившие для охраны, и последними – прикомандированные Белдо боевые маги. Обычно это был капризный и склочный народец, который занимался непосредственно вербовкой инкубаторов и вселением в них элей.

Дальше инкубаторы тщательно отслеживались до момента, пока из их тела не проклевывался эльб, что в подавляющем большинстве случаев стоило инкубатору жизни. На похороны, устраиваемые обычно торжественно, приезжал сам Белдо. Старичка поддерживали под локти Млада и Влада. Они же незаметно всовывали ему в пальцы бумажку с именем усопшего, которым сам старичок обременять свою память не любил.

Текст был обычно одним и тем же. Дионисий Тигранович особенно не импровизировал.

– Дорогой (ая) (имя)! Жестокие звезды забрали тебя у нас! Ты был прекрасен и горд и ушел в вечность! Бренная плоть не выдерживает напора гениальности, ведь мудрость она получает с небес! Твой прекрасный дар отнят у нас, но мы навеки сохраним тебя в своей памяти! – сотрясаясь от рыданий, произносил Белдо.

Попутно он осторожно скашивал взгляд на люк, откуда по тайным переходам обычно можно было проникнуть в подземное хранилище эльбов, оборудованное стараниями делмэнов

---

² Элитный высотный дом в Екатеринбурге.

по последнему слову техники. Там, в хранилище, где мощные машины поддерживали определенную температуру и влажность, медлительно ковыляла та самая «вселенская гениальность», недавно убившая своим рождением инкубатора.

Дядя Сережа постепенно уставал ораторствовать и начинал повторяться, что вызывало понимающие ухмылки его юных коллег по пнуйской идее. Они, как видно, хорошо знали дядю Сережу и ожидали, что он вот-вот начнет переходить к рукоприкладству. Родион замечал это по тому нетерпению, с которым Лешик и Кузя начинали разминать и растирать пальцы.

Неожиданно на примыкавшей к скверу круглой площади появился белый спортивный «Ауди». Автомобиль подъехал тихо. Остановился. Несколько секунд внутри машины происходила какая-то возня, заставлявшая ее слегка сотрясаться. Затем пассажирская дверь распахнулась. Наружу неловко вывалился худой высокий человек в куцем пиджачке, из которого торчали его длинные руки. Несколько секунд человек стоял на месте, озирался и явно не представлял, куда ему идти. Он отшатнулся было к «Ауди», но чьи-то руки решительно развернули его в сторону припаркованного «Логана» пнуйцев.

Человек еще немного пошатался, а потом пошел. Шаги у него были заплетающимися, конечности двигались несинхронно. Он казался большой куклой, к рукам и ногам которой привязаны веревки, в то время как невидимый кукольник навис над ней сверху. Чем дольше смотрел на него Родион, тем отчетливее убеждался, что одна из ступней у незнакомца явно сломана, потому что наружу торчала кость, а сама ступня болталась. Лицо кривилось точно от сильной боли. Казалось, он вот-вот закричит или застонет, но вместо этого он начинал хохотать, как человек, испытывающий зашкаливающее удовольствие.

Дядя Сережа озабоченно обернулся, проверяя, куда это так настойчиво смотрит его пленник.

– Чего, шнырь? Пьяного увидел? Думаешь, он тебе поможет?

– Может, и поможет. Это растворенный, – сказал Родион.

– Чего-о?

– Он бы умер давно, но эльб его псиосом шарашит. Замещает боль на удовольствие.

Такой вид инкубаторов Родион встречал лишь однажды. Хрупкая девушка у него на глазах, преследуя Ула и Макса, пробежала насквозь межквартирные перегородки недостроенного дома, пробивая их своим телом. Родион стоял снаружи и видел, как она несется, а из окон летит гипсовая пыль. Это было запредельно страшно. Почти добравшись до Ула, девушка упала и больше не поднялась, потому что эльб все же не рассчитал возможностей человеческого тела. Родион потом нашел у нее в кармане маленькую игрушку-цыпленка. Значит, что-то живое, человеческое в ней еще теплилось и проступало в моменты, когда власть эльба слабела.

Девушка была еще жива. После этого цыпленка Родион не удержался и погладил ее по руке. Девушка слабо, но все же благодарно улыбнулась ему и умерла.

Но дядя Сережа всего этого не знал. И опасность явно недооценивал.

– Растворенный? Это как кофе, что ли? – спросил он с издевкой.

– У меня в кармане бинокль. Достаньте его! Скорее!

Дядя Сережа с неохотой полез в карман, но почему-то в свой.

– В моем кармане!

– Твой карман, мой карман... Я тебя умоляю, шнырь, какие могут быть счеты между простыми людьми? – прогудел дядя Сережа, и Родион сообразил, что содержимое его карманов давно перекочевало к пнуйцам.

Дядя Сережа достал маленький бинокль, и, держа его двумя пальцами, повернулся к Родиону:

– Этот, что ли? Из театра утащил?

– Поднесите его к глазам! – потребовал Родион.

Дядя Сережа начал было подносить бинокль к глазам, но внезапно остановился и цокнул языком:

– Э нет, шнырь! Знаю я ваши штучки! Я это сделаю, а у меня зрачки сварятся. Сперва сам посмотри!

И, направив бинокль в сторону растворенного, он приложил его к глазам Родиона. Внутри бинокля полыхнуло розовое пламя. Родион увидел эльба. Это был особенный эльб. Меньше обычных, почти карлик. Лицо плоское, лишенное каких-либо черт и лишь пылающее точками глаз. Эльб сидел у худошавого на плечах, ногами обвивая его шею. Многочисленные пальцы коротких рук корнями уходили растворенному в мозг.

Пока корни тонкие, они похожи на охотничьи паутинки, которые выстреливаются эльбами, когда летишь сквозь *болото*. Такие корни еще управлять человеком не могут. Они лишь воздействуют на его органы чувств, посылая видения. Вначале эльб управляет ласково, многое обещая и многое давая взамен. Он понимает, что от него еще могут отказаться. Со временем паутинки утолщаются, разветвляются, захватывают все отделы мозга. Мозг разрушается, и власть эльба становится полной. Теперь никакие завлекательные образы больше не нужны. Убеждения тоже не нужны. С человеком больше не церемонятся. Лишь воздействие на центр удовольствия, чтобы заглушить боль, – и вперед, моя лошадка! Не важно, что у тебя сломана нога, ты три дня не спал и неделю не ел! Все равно скоро издохнешь! – Н-но, вперед!

Растворенный приближался. Сбивало с толку, что он двигался несколько наискось, словно мимо них, то ли действительно не замечая Родиона и пнуйцев, то ли желая сбить их с толку. Родион сделал ставку на последнее. Тело сильно повреждено, передвигается плохо, и эльб это понимает. Ему нужно подобраться поближе.

– Да, странноватый мужичок... – неохотно признал дядя Сережа.

– Он умрет через несколько часов. Не знаю, где они его такого достали. Вам придется сражаться с эльбом... – предупредил Родион.

Дядя Сережа поскреб подбородок.

– Не верю я тебе, шнырь. Ох не верю! – сказал он честно. – Много меня, шнырь, в жизни пугали. И чем только не пугали. А только, скажу я тебе, двойка в бороду всегда защитит простого человека.

Родион с грустью посмотрел на него. Видимо, пнуец потому и пнуец, что слова для него неинформативны. Он понимает только пинки.

– Нога! – безнадежно сказал Родион.

– Что «нога»?

– На ногу его посмотрите!

Дядя Сережа наконец заметил сломанную, с торчащей наружу костью ногу растворенного, на которую тот ступал с такой решимостью, словно вбивал в землю железный костыль. Это заставило его нахмуриться. Человека, который так неаккуратно относится к своим конечностям, двойкой в бороду не остановишь.

– Кузя! А ну-ка проверь того парня! И смотри: осторожно! – велел он.

Кузя повернулся и решительно направился к растворенному. Тот приближался заплетающимся шагом. Казалось, достаточно толкнуть его пальцем, чтобы он упал и больше не поднялся.

– Верните его! Его убьют, – крикнул Родион, пытаясь подняться на ноги.

– Кого? – недоверчиво спросил дядя Сережа.

– Вашего Кузя. Снимите с меня наручники!

– Э нет! – сказал дядя Сережа, толкая Родиона в грудь, хотя тот и так никуда не делся бы от дерева. – Куда собрался, шнырь? А ну сидеть!

Кузя дошел до растворенного и, что-то сказав ему, размашисто ударил. Растворенный качнулся, но устоял, хотя видно было, что у него вылетело несколько зубов. Кузя хотел ударить

его еще раз, но не успел. Растворенный перехватил в воздухе его руку и легко, точно ветку сухой елки, сломал ее. Та чудовищная сила, с которой все было сделано, Родиона ничуть не удивила. Эльб, внедрившийся в мозг человека, способен усилить силу нервного импульса раз в десять.

Кузя завопил. В следующий миг растворенный легко оторвал его от земли и отбросил метров на десять. Кузя с треском врезался в кустарник и так и остался в нем, слабо ворочаясь.

– Так. Ясно. Лешик! – отрывисто приказал дядя Сережа.

Лешику не надо было ничего объяснять. Он уже надевал на пальцы кастет, озабоченно поправляя его, потому что для его мощных пальцев кастет был тесноват.

– Не люблю я по этим гнилым мордам да голой рукой. Тяпнет еще – так изувечишься... – пробормотал Лешик и, для разогрева нанося в воздух удары, направился к растворенному.

Вскоре он уже с боксерской легкостью приплясывал вокруг, атаковал и отскакивал, не давая шатко стоявшему зомби схватить себя. От его мощных ударов растворенный валился, но сразу поднимался и опять начинал наступать, пытаясь сгрести своего противника. Да только куда там! Лешик ускользал и опять бил.

– Ну что, шнырь, видал? Простого человека какой-то там магией не сколупнешь! – с торжеством воскликнул дядя Сережа, но тут, словно чтобы опровергнуть его, растворенному попался под руку толстый сук. Он резко взмахнул им, задев Лешику по плечу. Сук оказался гнилым и сломался, но Лешик потерял равновесие и не сумел вовремя отпрянуть. Растворенный схватил его, на мгновение прижал к себе и сразу небрежно отбросил, как поломанную куклу.

Лешик прокатился по земле и затих, даже не пытаясь подняться. Родион готов был поклясться, что у него не осталось ни одного целого ребра.

– Я же говорил!!! – крикнул Родион.

Дядя Сережа горестно качнул головой:

– Ну что тебе сказать, шнырь? Плохо дело. Отвоевались пареньки. Полегли за простого человека. Зеленые, опыта мало. Теперь выход балерины! – сказал он и, сопя, извлек из-под короткой шоферской куртки битую – свой великий «вразумлятор». Легонько помахивая битой и согреваясь, дядя Сережа зашагал к растворенному.

Родион понял, что, скорее всего, дядю Сережу живым уже больше не увидит. Хотя нельзя сказать, чтобы это желание было очень уж сильным.

– Руки! – срывая связки, крикнул он ему вслед. – Освободи мне руки!

Дядя Сережа остановился. Почесал битой лоб.

– Это еще зачем? – спросил он подозрительно.

Родион объяснять не стал.

– Руки! – крикнул он еще страшнее, добавив пару слов, которые девица Штопочка обычно произносила, когда бич срывался и захлестывал ее по спине.

Дядя Сережа приподнял битую, точно взвешивая, не шарахнуть ли ему и Родиона, чтобы шнырь уж точно никуда не делся. Возможно, он так бы и поступил, но тут глаза их впервые встретились: пылающие глаза Родиона – и хитроватые, под мясистыми растрепанными бровями, глазки дяди Сережи. Продолжалось это всего несколько мгновений. Потом дядя Сережа опустил битую и, достав ключ от наручников, кинул его на раскисшую землю рядом с ногами Родиона.

– Давай, шнырь! Отомстишь за пареньков, если у меня чего не сложится... – буркнул он и, больше не оглядываясь на Родиона, пошел навстречу растворенному.

Тихо ругая дядю Сережу, Родион пяткой подгрел ключ поближе к стволу. Царапая кожу на запястьях, прокрутился вокруг дерева и, до боли подавшись вниз, почти лег на землю с задранными сзади руками. Ощущая себя как на дыбе, стал вслепую шарить. Раскисшая гниль прошлогодних листьев лезла под ногти.

Пока Родион нашарил ключ, пока сумел вставить его и разомкнуть наручники, прошло не меньше минуты. Все это время, находясь с обратной стороны ствола, он не видел дядю Сережу и слышал только хриплые крики, суетливый топот ног и страшный хохот, прерываемый глухими ударами биты.

Когда, освободившись от наручников, Родион расстался наконец с деревом, бой уже заканчивался. Дядя Сережа шаг за шагом отступал, вяло отмахиваясь битой, которую держал уже в левой руке. Правая у него висела плетью. Растворенный наступал на него, не уклоняясь от ударов. Лицо у него было смято, нос сломан, один глаз выбит, но это не мешало ему хохотать не переставая. Чувствовалось, что ему очень весело. Эльб вообще не размыкал уже контакта с центром удовольствия, безжалостно выжигая его. Пока Родион оценивал ситуацию, растворенный перехватил врезавшуюся ему в плечо битую и, вырвав ее, ударил дядю Сережу, сразу откатившегося к ногам Родиона.

Не мешкая, Родион схватил пнуйца под мышки и предельно быстро потащил его в кустарник. Это было нелегко. Дядя Сережа, заботясь о простых людях, мало заботился о диете. Его пятки прочерчивали по влажной листве дорожки, выдававшие направление их движения.

Поняв это, Родион торопливо задрал рукав, коснулся *льва* и дальше уже неслись заячьими скачками, закинув грузного пнуйца на плечо. Отбежав метров на двести, он описал по скверу полукруг и, вернувшись, затаился за почерневшим сугробом между площадью и «Логаном». Конечно, можно было бы и вовсе покинуть это место, но не хотелось бросать Лешика и Кузю.

Сгрузив с плеча массивного пнуйца, Родион выглянул из-за сугроба. Длинная тень растворенного покачивалась от него метрах в тридцати. Наклонившись, растворенный единственным глазом смотрел на траву, остановив взгляд там, где Родион догадался перекинуть дядю Сережу через плечо.

Дядя Сережа слабо зашевелился. Приходя в себя, застонал. Стон был очень тихим, но растворенный выпрямился и стал озираться. Родион знал, что услышать он их едва ли может, а разглядеть за сугробом и подавно. Зрение у почти уничтоженного человека расплывающееся, слух ослабленный, зато чужую боль и растерянность от эльба не укроешь. И слепой, и глухой – он уловит ее даже в черноте подземной пещеры.

Родион ощутил легкое прощупывающее покалывание, словно бы щекотку в мыслях. Так всегда начинались атаки в *балоте*. Потом все прекратилось, и Родион ясно увидел девушку, которая, протягивая руки, легко бежала к нему по траве. Поначалу девушка была неотчетлива, почти силуэтна, скорее грезилась, чем существовала, но чем дольше Родион смотрел на нее, тем материальнее она становилась. Девушка бежала с той неуклюжей, немного смешной и одновременно притягивающей грацией, которая привлекает больше всего. Теперь Родион отчетливо различал, что это шатенка с тонкими руками и длинными русалочьими волосами.

Сердце Родиона пропустило один удар, а потом нагнало его дробным стуком. Точно сухая горошина заметалась в банке.

«Эта та, из метро!» – подумал Родион.

И конечно, это оказалась именно она – девушка, которую он встретил когда-то давно в поезде метро. Ему было тогда шестнадцать. Очень скоро она вышла из вагона и из его жизни, и первую любовь Родиона навеки перерубили захлопнувшиеся двери. Он даже запомнил эту станцию – «Гражданская». Потом, когда он проезжал мимо «Гражданской», то всегда сердито выдыхал и отворачивался, чтобы не смотреть в окно.

Родион раздвоился. Первый умный, шныровский Родион отлично знал, что никакой девушки здесь нет и быть не может. Та девушка давно уже растолстела, или вышла замуж, или обрезала волосы, или получила юридическое образование, но даже если все упомянутые четыре трагедии с ней не случились – все равно она уже совсем другая! Не та! Но это было известно только первому Родиону. Другому же – ночному, слабавольному Родиону, опутанному охотничьей паутиной эльба, хотелось во все верить. Он почти готов был пустить себе

на плечи эльба, чтобы только несколько месяцев, пока тело его разрушается, всегда, днем и ночью, неразлучно быть с девушкой, существующей лишь в его воображении... Да, пусть все так и будет! Пусть ведьмари таскают его по темным дворам, пусть заставляют его – грязного, исхудавшего, с воспаленными глазами – выслеживать шныров и стрелять в них. Не важно! Он всего этого не ощутит, потому что с ним рядом будет та девушка! Реальнее реально-сти, правдивее правды. Даже проламывая кому-нибудь голову, он будет видеть лишь ее... Ну а потом... потом девушка, конечно, исчезнет, не удержавшись в его разрушенном мозгу, и тогда эльб замкнет ему центр удовольствия...

Эта мысль заставила Родиона очнуться.

Ощувив, что паутина утолщается, а его воля вконец ослабла и разорвать он ее не может и, главное, не желает, Родион оторвал кусок бордюра и, коротко, беззвучно почти крикнув, метнул его в девушку. Это было ужасно. Ему показалось, что он с размаху пригвоздил себе руку ножом к столу – боль, которую он ощутил, была даже больше.

Лев все еще действовал. Приобретший силу ядра, бордюрный камень пролетел девушку насквозь, ничуть не навредив ей, но разрушив иллюзию. Не находя больше зацепки в сознании Родиона, девушка с русалочьими волосами укоризненно посмотрела на него и рассыпалась как призрак. И вновь из ночи выплыл просроченный сквер с грязным снегом и черными колоннами деревьев.

Растворенный повернулся и уверенно зашагал к почерневшему сугробу.

– Нашарил! – пробормотал Родион. – Почувствовал, где паутину потерял. А до этого, видать, слепую паутинку пускал.

Схватив дядю Сережу, он пригнулся и потащил его в кустарник. С каждой секундой пнуец становился все тяжелее. *Лев*, который Родион использовал уже давно, погасал. То ползком, то перебежками Родион передвигался от одного дерева к другому. Кустарник, весенний еще, без листьев, был неважным укрытием. Где-то близко, отыскивая его, шарил и растворенный. Когда *лев* окончательно погас, Родиону удалось заползти в фундаментную яму от опрокинутой ураганом беседки и затащить туда дядю Сережу. Земля была рыхлая и влажная, как раскопанная могила.

– Одуванчики! – сказал вдруг дядя Сережа. – Уйдешь в самоволку, а там одуванчики! Лежишь, смотришь в небо... а они к тебе наклоняются. Кажется, с неба растут!.. И сейчас вот тоже... одуванчики!

Родион, ловивший в темноте малейшие шорохи, вздрогнул. Он и не знал, что дядя Сережа очнулся и теперь лежит, придерживая сломанную руку. На миг Родион ощутил зависть, понятную лишь шныру. Насколько же дядя Сережа лучше его, если эльб только и сумел что опутать его какими-то воспоминаниями об одуванчиках! Вот и думай после этого плохо о людях! А ведь на первый взгляд казалось, что привлечь мечты дяди Сережи можно только бутылкой пива. Но все равно, одуванчики или девушки – это было не важно. Первая нащупывающая паутинка быстро окрепла бы, потому что дядя Сережа, в отличие от Родиона, понятия не имел, как противостоять эльбам.

Рванув дядю Сережу за здоровое плечо, Родион повернул его к себе. Дал ему затрещину. Голова у дяди Сережи мотнулась, но смотрел он по-прежнему бараньими глазами, хотя одуванчики, похоже, из мыслей его уже пропали. Теперь ему мерещилось что-то другое.

– Вертушки! Вертушки вызывать надо! Положат же ребят!.. Связист, подожди, браток! – крикнул дядя Сережа и, внезапно вскочив, рванул из ямы навстречу растворенному.

Родион успел сбить его с ног, чтобы тот не слишком рвался к связисту. Дядя Сережа ворочался в мокрой яме и стонал, потому что упал на сломанную руку. Это было скверно, но все же боль отрезвила его.

– Слез с меня! – приказал он осипшим голосом.

Родион послушался, готовый вновь броситься на него, если потребуется. Дядя Сережа судорожно дышал, бодая землю лбом.

– Освободился, шнырь? Этот... как его... еще там? – спросил он.

– Ищет нас.

– Ясно. Лешик с Кузей где?

Родион ответил, что живы. Дядя Сережа коснулся своей сломанной руки, поправляя ее, и, засопев от боли, уткнулся в землю:

– Слушай сюда, шнырь. Если меня вдруг вырубят... Машину водишь?

– Да.

– Возьмешь мою. Доставишь меня, Лешика и Кузю к Димону. Там в бардачке на пачке сигарет телефон... В больницу не надо... понял меня? Найдут нас там. Димон – он все устроит!

– Ясно, – Родион выглянул из ямы, определяя, где сейчас растворенный.

Дядя Сережа тяжело дышал, выискивая в боли паузу, чтобы говорить дальше:

– Слушай, шнырь... Этот город для меня как родной... два года мне было, когда отца сюда служить перевели... не нравится мне, что здесь сейчас твориться стало... повсюду эти пашаю... поначалу мы с ними бодренько боролись... четверо их приехало... вышибли... через полгода уже восемь заявили... и этим объяснили, уехали... а потом, видать, нашли они чего-то тут... забегали сильно... прямо рой их... теперь весь город под ними... не справиться нам, шнырь... не уберечь простого человека...

Родион жадно пропускал сквозь свой слух сбивчивый шепот.

– Что они нашли в городе? Где?

– Геологический музей... Там они, видать, чего-то шарят... и на складах, где образцы с экспедиций хранятся, там тоже... в основном не трогают ничего... но кое-что увозят...

– Потому вы и следили за музеем?

– Да. Подвернулся ты нам, шнырь, под горячую руку... рассердился я... ведьмарей мало, думаю... теперь еще и шныри приперлись...

Родион опять выглянул. Ему навстречу со стеклянным ржанием проскакал табун пегов. Крылья чуть приспущены, раскинуты, как в момент взлета... Что за образы? Что за странная ведьмарская паутина? Он снова спрятался, невольно оглянувшись вслед проскакавшим пегам.

Дядя Сережа бормотал что-то горячо, но почти невнятно.

– Где мой шнеппер? *Ледовики* где? – шепотом крикнул Родион.

Пнуец дернулся. Повернул к нему выбеленное луной лицо:

– Что?.. А?

– Кубики такие прозрачные! У меня с собой были... Где они?

Дядя Сережа замычал от боли, кусая рукав:

– Рука, шило тебе в печень... Осторожно, шнырь!

Родион отдернул ладонь, сообразив, что, забывшись, схватил дядю Сережу за плечо.

– Ключи от машины... карман... возьми их... там твоё барахло... в багажнике... – прошипел дядя Сережа.

Родион залез пнуицу в карман. Достал бинокль. Потом незнакомый ему нож. Последними появились ключи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.